

А. В. ГАНИН
В ТРЕУГОЛЬНИКЕ
ЛЕНИН – ТРОЦКИЙ – СТАЛИН:
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
О «ДЕЛЕ» ПОЛЕВОГО ШТАБА.

В последнее время появилось несколько новых интересных публикаций, затрагивающих проблематику репрессий против военных специалистов РККА. Речь идет, прежде всего, о статье известного исследователя истории отечественных спецслужб, генерал-лейтенанта ФСБ, доктора исторических наук А. А. Здановича¹ и книге аспиранта С. С. Войтикова.² Обе эти работы посвящены рассмотрению обстоятельств «заговора» в Полевом штабе Реввоенсовета Республики (РВСР) — одного из самых сложных и противоречивых вопросов военно-политической истории Советской России эпохи Гражданской войны, «раскрытие» которого привело к смене высшего руководства РККА летом 1919 г.

Как совершенно справедливо, хотя и в несколько ироничной форме, отметил А. А. Зданович, историки уже многие годы пытаются решить эту проблему, но высказывают диаметрально противоположные суждения. К сожалению, не ставит точку в этой многолетней дискуссии и статья самого Здановича. Наряду с другими исследователями, Зданович многое сделал для восстановления истории отечественной разведки и контрразведки, вызывает огромное уважение его кропотливая архивная работа и неподдельный интерес к событиям прошлого. Однако, как отмечено в юбилейном номере журнала «Родина» к 90-летию отечественной во-

1. Зданович А. А. Был ли заговор в Полевом штабе? // Родина. 2009. № 5. С. 92–95.

2. Войтиков С. С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009.

енной контрразведки, не все суждения известных на сегодняшний день историков спецслужб и их выводы «свободны от личных и ведомственных пристрастий». ³ Подобные проявления, в том числе в работах самого Здановича, не ускользнули от внимания и некоторых западных исследователей. В частности, один из крупнейших американских специалистов по военной истории России У. Фуллер, характеризуя работы Здановича, отметил, что «последние несколько лет были отмечены появлением ряда публикаций на русском языке, ориентированных на приукрашивание репутации советской и царской разведки и контрразведки». ⁴ Действительно, во многих исследованиях отчетливо прослеживается стремление к неоправданной героизации отдельных сотрудников разведки и контрразведки, лакировке ведомственной истории и оправданию, вопреки фактам, ошибок прошлого.

Эти мотивы в полной мере присущи и статье Здановича о заговоре в Полевом штабе РВСР. Статья, прежде всего, благодаря вводимым в научный оборот до сих пор недоступным для исследователей документам ВЧК из Центрального архива ФСБ, проливает свет на сложные взаимоотношения внутри большевистского руководства и уточняет многие ранее существовавшие оценки и выводы. Однако свой основной постулат о том, что чекисты проводили проверку по факту наличия компрометирующей информации в отношении сотрудников Полевого штаба, автор доказать не смог. Более того, нельзя не отметить, что конечные выводы Здановича противоречат ранее заявленному в его же статье тезису. ⁵ Если в начале статьи утверждается, что аресты высших военных деятелей не были провокацией, а проводилась лишь проверка информации о неблагонадежности этих лиц, ⁶ то ближе к концу автор пишет уже о том, что эта кампания носила политический характер и была нужна В. И. Ленину для борьбы с Л. Д. Троцким. Фактически речь идет о политическом заказе.

В этом случае уместен вопрос, чем же не понравились маститому критику выводы моей обобщающей статьи о взаимоотношении-

3. Каширин В. Б. Разведчики военного шпионства. Контрразведка последнего императора // Родина. 2008. № 12. С. 27.

4. Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 314.

5. Это же присуще и некоторым другим работам Здановича. Так, в статье о заговоре военных в 1923 г., который чекисты пытались раскручивать из ничего, автор, несмотря на очевидные факты, приводимые им самим, заключает: «Однако это не значит, что сотрудники Особого и других отделов ГПУ-ОГПУ действовали провокационно». Вывод, находящийся в полном противоречии со всем ранее изложенным в той же статье: Зданович А. «Теплая компания» «красного Бонапарта» // Родина. 2008. № 12. С. 47.

6. В принципе под нейтральное определение «проверка» при желании можно подвести любые провокационные действия спецслужб.

ях чекистов и генштабистов в Гражданскую войну, если он в итоге солидаризировался с идеей о том, что заговора не было, а наличием лишь соответствующий заказ ВЧК сверху (в статье было высказано предположение, что инспирировал эти события и больше выиграл от них не Ленин, как полагает Зданович, а И. В. Сталин,⁷ — но это вопрос дискуссионный). Скорее всего, разница в том, что для ведомственной историографии, одним из наиболее авторитетных представителей которой и является генерал Зданович, признание факта фабрикации заговора чекистами по указке сверху, о чем напрямую написал я, пока что неприемлемо.

Думается, мой очерк, представляющий собой краткую выжимку из большого материала о взаимоотношениях генштабистов и чекистов и основанный на материалах архивов России и Украины (в том числе архивов спецслужб), нельзя отнести к работам тех авторов, которые, как справедливо отметил генерал Зданович, «не утруждают себя проверкой и уточнением заимствованных материалов». Видимо, согласен с этим и сам Зданович, отметивший, что другие мои материалы отличаются объективностью. Причина, по которой был подвергнут критике мой очерк о репрессиях против военспецов, видимо, как раз в том, что мною предпринята попытка через призму взаимоотношений генштабистов и чекистов (включая проведенный впервые комплексный анализ практики массовых и, как правило, необоснованных арестов и расстрелов последними первых) отразить объективную и довольно неприглядную картину первых лет существования органов ВЧК — сюжет, который до сих пор в рамках ведомственной историографии считался чуть ли не неприкосновенным. При этом я не пытался преувеличивать страдания генштабистов или приписывать какую-то дополнительную жестокость их тюремщикам, а старался реконструировать реальный ход событий на основе подлинных и до сих пор неизвестных документов.

Остановлюсь на событиях в Полевом штабе РВСР в Серпухове. Хотя в последние годы и опубликованы некоторые новые документы об этих событиях, ясности общей картине они не добавляют. Так, например, не внушает доверия недавно опубликованная сводка сведений из протоколов допросов арестованных. Если верить этому документу, арестованные, как один, показали, что вели контрреволюционные разговоры, планировали захват Тулы, установление связи с А. И. Деникиным, сам советский главнокомандующий И. И. Вацетис якобы после смещения начальника Полевого штаба РВСР Ф. В. Костяева даже собирался «тряхнуть Москвой».⁸

7. Ганин А. «Товарищ Склянский — заступитесь...»: Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну // Родина. 2009. № 1. С. 81–82.

8. Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. Документы / Сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М., 2007. С. 130–131.

Судя по документу, подобные разговоры велись тогда в Серпухове, а выпускники ускоренных курсов академии даже шантажировали Вацетиса в своих интересах. В этом же документе приводятся признательные саморазоблачительные показания выпускника ускоренных курсов Ю. И. Григорьева.

Между тем, в своих показаниях, данных в 1956 г. во время процесса реабилитации жертв политических репрессий, в нормальной обстановке и без давления, Григорьев отметил, что сначала арестованы были его однокурсники по академии, «по-видимому, эти лица дали на меня какие-то показания, в связи с чем был арестован и я, хотя к заговору я никакого отношения не имел. После трехмесячного содержания под стражей я был освобожден, вернулся в Академию, где был восстановлен на прежнюю должность».⁹

Действительно, сложно предположить, что в обстановке всеобщей подозрительности по отношению к военспецам, их массовых арестов и расстрелов, Вацетис и его подчиненные, находившиеся под гнетом известий о все новых и новых обысках и арестах даже в их ближайшем окружении, могли открыто и неосторожно обсуждать планы переворота, причем отнюдь не на уровне конкретного планирования, а лишь в форме бытовых разговоров. Впрочем, полного отсутствия крамольных высказываний, конечно, гарантировать нельзя, особенно с учетом известной по некоторым документам невоздержанности Вацетиса на речи в состоянии опьянения.¹⁰ Однако, скорее всего, подобные «показания» были нужны Ф. Э. Дзержинскому, в документах которого они и отложились, а также направлявшей Дзержинского большевистской верхушке. Кроме того, признательные показания традиционно считались в ВЧК-НКВД достаточными для изобличения обвиняемых, даже несмотря на отсутствие каких-либо улик. По всей видимости, подобный подход зародился как раз в годы Гражданской войны.

Конечно, в деле Полевого штаба, в отличие от описанной Здановичем истории с арестом выпускника ускоренных курсов академии Генерального штаба Г. И. Теодори,¹¹ самоуправства чекистов быть уже не могло — слишком высок был статус арестованных. Можно только предполагать, был ли арест Теодори первой ласточкой в пока еще неясной борьбе группировок в военно-политическом руководстве Советской России (в частности, неясна роль в этих событиях С. С. Каменева) или же столь глубоких причин здесь не было.

9. Государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 79 (101). Л. 248.

10. Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. С. 130.

11. Подробнее об этом см.: Ганин А. В. Дело Г. И. Теодори в 1919–1921 гг. Взаимоотношения советского руководства с генштабистами в период Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 10. С. 32–37.

Как справедливо отметил Зданович, И. В. Сталин еще 4 июня направил В. И. Ленину донесение о том, что Полевой штаб РВСР и Всероссийский Главный штаб якобы работают на белых.¹² Не исключено, что именно этот документ стал причиной последовавших арестов. По мнению Л. Д. Троцкого, подтверждающего факт написания Сталиным донесения 4 июня, это была уже не первая попытка нажима Сталина на Ленина с целью смены военного руководства.¹³ Но все же, думается, что Сталин сам по себе (пусть и в полном контакте с чекистами) не мог в то время организовать столь масштабную чистку высшего военного руководства. Наиболее вероятно, что в необходимости подобных действий он сумел убедить Ленина и, тем самым, нанести удар по позициям своего врага Троцкого. Чекисты же в этом деле оказались в роли простых исполнителей, что ни в коей мере не снимает с них ответственности за фабрикацию этого «заговора». По этой логике, требует самой серьезной проверки обоснованность репрессий видных военспецов и по легендарному в рамках истории ВЧК делу «Национального центра», в котором тоже далеко не все однозначно и понятно.

Как известно, в роли сторонников ужесточения политики в отношении военспецов неизменно выступала сталинская группировка. Так, К. Е. Ворошилов на VIII съезде РКП (б) прямо заявил, что «в наших штабах на командных должностях стоят не разведчики, а руководители армии противника. Они не только освещают положение наше, не только заранее рисуют наш ход, но просто направляют армии противника и сталкивают лбами».¹⁴ Такой подход не добавлял военспецам уверенности в своем завтрашнем дне, даже несмотря на жесткий отпор, данный Ворошилову на съезде Лениным.

На мой взгляд, не следует, как делают А. А. Зданович и С. С. Войтиков, преувеличивать степень конфронтации между Лениным и Троцким в 1919 г., а также опираться в этом вопросе на советскую литературу о Гражданской войне, в которой вплоть до конца 1980-х гг. Троцкий был заведомым врагом и предателем. Отношения Ленина и Троцкого в этот период в целом носили дружеский характер. Ленин высоко ценил организаторские способности Троцкого, восхищался тем, что последний буквально за год с нуля сумел создать мощную Красную армию и даже завоевал уважение старых специалистов. Роль Троцкого в создании РККА и ее победе в Гражданской войне действительно трудно переоценить. И Ленин, и Троцкий допускали в этот период ошибки, в том числе в отношении друг друга, но позднее находили в себе силы признавать это. Однако их от-

12. Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. — 28 августа 1923 г.). М., 1991. С. 431.

13. Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 440.

14. Известия ЦК КПСС. 1989. № 11 (298). С. 160.

ношения никогда не доходили до открытого конфликта. Более того, Ленин стремился подчеркнуть свое абсолютное доверие Троцкому. Чего стоит известная записка, данная им Троцкому в июле 1919 г., в разгар дела Полевого штаба РВСР: «Товарищи! Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. В. Ульянов (Ленин)».¹⁵ Такая бумага, хотя Троцкий, по его словам, ни разу ею не воспользовался (в этом просто не было необходимости, так как власть самого Троцкого в это время также была практически неограниченной), автоматически санкционировала любые его решения.

Конечно, Ленин вел определенную игру на противоречиях между своими подчиненными — Троцким и Сталиным. Неслучайно сталинская группировка так и не была нейтрализована Лениным, хотя создавала советскому руководству немало проблем. Видимо, поддерживая баланс сил и интересов, в деле Полевого штаба Ленин решил пойти навстречу пожеланиям Сталина. Последовавшее вскоре смещение главы Особого отдела ВЧК М. С. Кедрова представляется ответной уступкой Троцкому.¹⁶

Необходимо добавить, что в годы Гражданской войны конфликты и группировки внутри большевистского руководства сочетались с аналогичными конфликтами и группировками внутри корпорации военспецов, что и выразилось в деле о «заговоре» в Полевом штабе. К сожалению, сколько-нибудь полной военно-политической истории Гражданской войны в России еще не написано, поэтому время для окончательных суждений об этих конфликтах и противоречиях пока не пришло. Будем надеяться, что общими усилиями со временем эти проблемы обретут свое непредвзятое освещение.

* * *

Книга С. С. Войткова весьма интересна и содержит немало новых материалов, проливающих свет на события в советском военно-политическом руководстве в 1919 г. Нельзя не отметить удачное сочетание автором документов РГВА и РГАСПИ, составляющих основу этой работы, а также отдельных материалов Центрального архива общественно-политической истории Москвы и ГА РФ. Вместе с тем автор в своей работе не избежал целого ряда ошибок и перекосов. На некоторые неточности и искажения фактов, имевшие-

15. В. И. Ленин. Известные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 294–295; Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 456. Впрочем, в другой своей работе Л. Д. Троцкий отнес данную записку к началу 1919 г., что не соответствует действительности: Троцкий Л. Сталин. Т. 2. М., 1990. С. 74.

16. Впрочем, ему на смену пришел сам Ф. Э. Дзержинский, который сблизился со Сталиным еще в начале 1919 г., в период расследования причин пермской катастрофы.

ся в одной из предыдущих публикаций Войтикова,¹⁷ я уже пытался обратить внимание автора.¹⁸ Однако в его книге многочисленные ошибки не только повторены почти дословно, но и разбавлены новыми.

В чем принципиальные ошибки этой работы?

Во-первых, прямо-таки бросается в глаза стремление автора к глобализации доступных ему сведений, охвату всей военно-политической жизни Советской России в 1919 г., для чего у него объективно нет достаточных данных. Особенно присуща подобная гигантомания 6-й главе работы, посвященной военно-политическим итогам дела Полевого штаба. Нередко смелые суждения уводят автора в откровенное мифотворчество. С поразительной легкостью он пытается рассуждать о действиях и даже подоплеке тех или иных действий высшего советского политического руководства: В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, С. И. Гусева и других. Отметим, кстати, что деятельность таких фигур, как И. В. Сталин, Ф. Э. Дзержинский и М. С. Кедров автором практически никак не освещена, во всяком случае, в сравнении с тем вниманием, какое уделено другим указанным выше партийным руководителям. Войтиков просто отмахнулся единственным и бездоказательным утверждением от анализа участия Сталина в деле Полевого штаба («к развязыванию следствия по делу Полевого штаба он никакого отношения не имеет» — С. 12), хотя, на мой взгляд, в действиях Сталина все было отнюдь не так просто и однозначно. Между тем, без комплексного рассмотрения всех аспектов борьбы в советском военно-политическом руководстве того периода понять, что же происходило на самом деле, невозможно.

Многие громкие утверждения автора остаются ничем не подкрепленными. Основную часть своей книги Войтиков начинает с банальности, цитируя М. фон Хагена об опоре советской политической системы на партию, бюрократический аппарат, карательные органы и армию (С. 19). Далее автор акцентирует внимание на возможности установления Троцким военной диктатуры в период болезни Ленина и позднее, пишет о стремлении к этому у Троцкого (С. 19, 21, 23, 29). В дальнейшем автор всячески продвигает тезис о борьбе за власть в РККА между Лениным и Троцким, хотя Ленин к власти над армией никогда не стремился (ему вполне достаточно было лояльности высшего военного руководства). Апогей этого противостояния якобы пришелся на весну-лето 1919 г. Войтиков иногда даже прямо называет Ленина политическим противни-

17. Войтиков С. С., Кикнадзе В. Г. Большевики против военспецов-разведчиков, или «Филиал белогвардейских разведок» в деле Г. И. Теодори. 1918–1921 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 1. С. 30–36.

18. Ганин А. В. Дело Г. И. Теодори. С. 32–37.

ком Троцкого (С. 314) и утверждает, что Ленин предполагал заменить Троцкого на посту председателя РВСР С. И. Гусевым. Между тем, столь серьезные заявления нуждаются в серьезной доказательной базе, которой в книге нет. В качестве аргумента Войтиков приводит записку Ленина Троцкому с санкцией любых действий, трактуя ее как издевку (С. 184). На это можно возразить лишь, что Троцкий не был глупым человеком, и если бы эта записка Ленина не носила искреннего и дружеского характера, он едва ли стал бы акцентировать внимание читателей на ней в своих мемуарах. Не был глупым человеком и Ленин, прекрасно понимавший серьезное значение подобного документа. Ведь безотносительно подоплёки написания записки, она могла быть использована Троцким в своих интересах.

Вообще Войтиков нередко приписывает своим персонажам многие поступки и идеи, которые не были им присущи. В частности, отмечает, что командующий Балтийским флотом бывшего капитана 1 ранга А. М. Щастного расстреляли, чтобы не дожидаться того времени, когда он захочет свергнуть большевиков (С. 21). Неясно только, откуда взялись данные о подобных намерениях Щастного и не поясняется, была ли у него даже технически подобная возможность. Войтиков называет Щастного почему-то спасителем Черноморского флота, тогда как этот морской офицер известен спасением флота Балтийского. Не соответствует действительности утверждение о том, что Троцкий был обвинителем и судьей Щастного. Формально прокурором был Н. В. Крыленко, а Троцкий выступал как свидетель.¹⁹

Требуют доказательств пассажи о кадровой политике Ленина в военном ведомстве. В частности, Войтиков считает, что Ленин намеренно назначал на высшие посты в военном ведомстве верных ему людей, не имевших отношения к армии или обвинявшихся в измене, а также недалеких (С. 22). Если бы подобное утверждение соответствовало истине, большевики не только бы не создали в кратчайшие сроки мощнейшую армию, но и никогда бы не победили в Гражданской войне. Более того, Н. И. Подвойского, В. А. Антонова-Овсеенко, Н. В. Крыленко и, тем более, Л. Д. Троцкого вряд ли можно отнести к деятелям «не семи пядей во лбу», как, видимо, думает Войтиков. Единственный, к кому подобный эпитет действительно может быть отнесен — П. Е. Дыбенко. Нуждается в серьезной аргументации и утверждение о плохих отношениях между Троцким и И. И. Вацетисом (С. 79), поскольку по документальным материалам оно не прослеживается.

В оценках действий и, тем более, побуждений Троцкого, вообще следует проявлять большую осторожность — слишком велик

19. Рабинович А. Досье Щастного: Троцкий и дело героя Балтийского флота // Отечественная история. 2001. № 1. С. 74–75.

поток «разоблачительных» мемуаров и соответствующей литературы на этот счет, написанных в советский период и, полагаясь на эти опубликованные свидетельства, легко прийти к seriouslyму искажению реального хода событий. Особенно сомнительны утверждения по данному вопросу одного из ключевых оппонентов Троцкого — Сталина. Едва ли обоснованно, опираясь на подобные материалы, к тому же датированные 1937 годом, делать глубокие умозаключения относительно противостояния Троцкого с Лениным (С. 32–33). По мнению Войтикова, Ленин Троцкого «поставил на место» по итогам VIII съезда РКП (б). Между тем, по имеющимся данным, Ленин, наоборот, активно поддержал Троцкого на съезде в борьбе с оппозицией, хотя по ряду вопросов и шел на компромисс с оппозиционерами.

Такая же осторожность необходима и в отношении анализа действий других большевистских лидеров. Однако Войтиков этого принципа не придерживается и здесь же, в контексте рассмотрения борьбы в партийном руководстве пишет, например, о том, что Я. М. Свердлов расстрелял до следствия Фанни Каплан, чем прозрачно намекает на стремление Свердлова ликвидировать Ленина и выйти на первое место в большевистской верхушке (С. 33). Далее Войтиков многозначительно пишет о посещении Лениным больного испанкой Свердлова незадолго до смерти последнего (С. 34). Автор в данном случае недоговаривает, но у читателя при такой логике складывается убеждение, что именно Ленин и довел Свердлова до смерти в отместку за покушение и вообще был жестоким и беспощадным даже с ближайшими соратниками. Опять-таки серьезных аргументов Войтиков не приводит, да и можно ли сейчас найти доказательства таким интригам. В данном случае Войтиков просто повторяет конспирологическую версию, которую еще десять лет назад выдвинул американский историк Ю. Г. Фельштинский.²⁰ Однако даже Фельштинский считал свою точку зрения лишь гипотезой.

Нельзя согласиться с тем, что, по мнению Войтикова, открытие красного террора развязало руки комиссарам. На деле репрессии вплоть до смертной казни имели место и ранее. Не удалось Войтикову доказать и наличие шпионажа в Полевом штабе РВСР, хотя он и пытается утверждать обратное (С. 77). Странная история с подозревавшейся в шпионаже, спившейся и погрязшей в разврате машинисткой В. П. Троицкой и ее подругами из числа служащих штаба²¹ отнюдь не свидетельствует о наличии белой агентуры в самом сердце РККА — советской Ставке, тем более — среди специалистов Генштаба, которые единственные и могли по достоинству оценить значимость тех или иных документов для противника.

20. Фельштинский Ю. Г. Вожди в законе. М., 1999. С. 176–226.

21. Подробнее см.: Ганин А. В. Дело Г. И. Теодори. С. 36.

Кстати, Троицкая никак не могла быть расстреляна ранее конца мая 1919 г., хотя Войтиков дважды утверждает (С. 77, 327), что ее якобы расстреляли уже к 12 марта (дню ареста курсовика Г. И. Теодори). Но если бы ее расстреляли в марте, то в конце апреля 1919 г. она уже никак не могла отказаться от оговора Теодори, о чем написал он сам.²² Расстрел Троицкой не мог предшествовать и разбору ее дела в мае 1919 г., в рамках которого был арестован и допрашивался как свидетель курсовик И. Д. Моденов.²³ Наконец, в случае её расстрела в марте, Троицкая не могла бы присутствовать на очной ставке с Моденовым, которая состоялась 15 мая.²⁴ К сожалению, все эти факты почему-то оказались вне поля зрения автора книги, хотя с некоторыми документами, в которых они содержатся, он и был знаком. Войтиков пишет, что Особое отделение ВЧК в Серпухове было «карманной» контрразведкой комиссара Полевого штаба С. И. Аралова (С. 164). Однако если бы это было так, оно вряд ли бы взялось за аресты ближайших подопечных Аралова, за которых он сам даже заступался. Очевидно, что развитие событий шло совсем по другой цепочке.

Нелогично утверждение Войтикова и о причинах ареста выпускника академии Н. Н. Доможирова — как первой жертвы по делу Полевого штаба. Войтиков связывает арест с его прежним нахождением под следствием (С. 178), тогда как это произошло, прежде всего, в связи с восстанием в Кронштадте, которое было положено в основу дела о контрреволюционной организации Западного фронта (бывший начальник штаба — Н. Н. Доможиров). Деятельность этой организации чекисты, в свою очередь, связывали с организацией Полевого штаба (апробированная чекистами позднее во многих громких делах стандартная схема «периферия — центр»). Об этом докладывали руководители ВЧК Ф. Э. Дзержинский и И. П. Павлуновский.²⁵

Как уже отмечалось при разборе статьи А. А. Здановича, есть все основания сомневаться и в крамольных разговорах о перевороте, которые якобы неосторожно велись военспецами в Полевом штабе (С. 177). В условиях постоянных необоснованных арестов это было бы просто самоубийственно для бывших офицеров. Не исключено, что показания арестованных были фальсифицированы, либо нужная для заказчиков дела информация выбивалась силовым методом. Доверять подобного рода свидетельствам нельзя.

22. РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 11 об.

23. РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 229 об.–230.

24. Там же. Л. 230 об.–231.

25. Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації (справа „Весна“, 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України» // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18). С. 29.

Однако безоговорочно веря этим материалам, Войтиков доходит до рассуждений о конкретных планах военного переворота, которые могли разрабатываться в Полевом штабе. Между тем, никаких других доказательств наличия подобных планов, кроме невнятных признательных показаний, нет. Более того, сам автор недоумевает, почему версии о перевороте и возможные связи с антибольшевистским подпольем сотрудников Полевого штаба никак чекистами не отрабатывались (С. 189), а дело Полевого штаба не соотносилось со следующей крупной чекистской операцией — делом «Национального центра» (С. 191). Ответ здесь очевиден — все «дело» Полевого штаба от начала и до конца было вымыслом, имевшим конкретные политические цели и вполне определенного заказчика. Единственно, что действительно важно в этой связи — разобраться в подоплеке фабрикации этого дела и установить, кто именно из большевистских лидеров был заинтересован в смене высшего военного руководства. К сожалению, автор книги использовал лишь незначительное количество единиц хранения собственно из фонда Полевого штаба РВСР (Фонд 6 в РГВА) и не смог обнаружить целый ряд важных документов, хранящихся там, уточняющих и даже опровергающих многие положения его работы.

Во-вторых, автор плохо представляет себе дореволюционную службу советских военных специалистов, поскольку в фондах РГВИА он не работал и опирается в отношении биографических данных своих героев исключительно на материалы интернет-сайта «Русская армия в Великой войне», где нередко приводятся данные, весьма далекие от реальности. Крайне смутное представление имеется у Войтикова и непосредственно о службе офицеров Генерального штаба — как в старой армии, так и в РККА. Непонимание сути явления в целом ведет к ошибкам во многих частностях.

Так, полагаясь на крайне субъективные свидетельства курсовика Г. И. Теодори, сделанные им в период тюремного заключения и направленные на существенное преувеличение его роли в военном строительстве РККА, Войтиков, на мой взгляд, необоснованно преувеличивает роль Теодори в создании РККА и приписывает этому военспецу целый ряд важных военных преобразований. Утверждение Войтикова, что в этих материалах могли содержаться «исключительно правдивые факты, т. к. при желании адресаты легко могли проверить полученные сведения» (С. 336), представляется совершенно абсурдным. Как мне удалось установить, уже в 1920 г. было признано, что Теодори вместо изложения объективных фактов ранней истории РККА и своей деятельности в этот период в своих очерках и посланиях занимался самовосхвалением.²⁶

26. РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 19.

К сожалению, Войтиков не обратил никакого внимания на эти особенности источниковой базы, что привело его к неверным суждениям и выводам.

Фактически Теодори представлен в книге Войтикова как единственный создатель Полевого штаба РВСР (С. 64, 66), что само по себе невероятно, особенно если учесть отсутствие у Теодори необходимого военно-административного опыта. К тому же в протоколах заседаний РВСР в 1918–1919 гг. этот военспец упомянут лишь четыре раза, что не идет ни в какое сравнение с частотой упоминаний таких людей, как И. И. Вацетис, Ф. В. Костяев, П. М. Майгур,²⁷ которые действительно стояли у истоков Полевого штаба. Кроме того, Теодори приписаны некоторые идеи, которых он не высказывал. Например, замысел создания Большого Генерального штаба (С. 58, 314). Здесь, по всей видимости, Войтиков приписал Теодори не его собственные мысли, а измышления чекистов, фабриковавших обвинение против работников Полевого штаба (С. 218).

Войтиков многократно преувеличивает степень конфронтации старых генштабистов и выпускников ускоренных курсов. Безусловно, отношения между ними складывались непросто, но о какой-то всеобщей взаимной ненависти и ожесточенной борьбе (С. 57, 61, 189, 282, 335) этих двух категорий военспецов РККА говорить не приходится. Тем более, что между ними в советских условиях оказалось гораздо больше общего, чем различий. Во всяком случае, они были ближе друг к другу, чем к большевикам или чекистам. Кроме того, большевики не делили военспецов с высшим военным образованием на категории, а одинаково настороженно относились ко всем. Опровергают эти построения и документы, публикуемые самим Войтиковым. Например, показания курсовика Ю. И. Григорьева, который свидетельствовал, что связь военспецов с белыми должна была осуществляться как раз через старых генштабистов (С. 216–217).

Некорректно утверждать, что группировка курсовиков была выращена в академии Генштаба якобы «с легкой руки А. Ф. Керенского» (С. 312). Ускоренная подготовка в академии началась еще в конце 1916 г. в период правления императора Николая II, а курсы 2-й очереди, о которых, очевидно, идет речь, функционировали в период с февраля по май 1917 г. (младший класс) и с октября 1917 по март 1918 г. (старший класс). Возникает резонный вопрос, причем тут А. Ф. Керенский, коль скоро подготовка слушателей 2-й очереди в период его пребывания у власти и в руководстве военным ведомством (май — октябрь 1917 г.) практически не велась?! К тому же, восьмимесячный курс обучения никак нельзя назвать трехмесячным, как ошибочно утверждает Войтиков (С. 338).

27. Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919 гг. М., 1997.

Автор не критически отнесся к исследованиям украинского историка Я. Ю. Тинченко (С. 4, 299), который не работал с материалами учета кадров Генштаба в РГВА, в результате чего приводит неизвестно откуда взятые данные об аресте летом 1919 г. в Советской России около 80 выпускников ускоренных курсов 2-й очереди, что совершенно не соответствует действительности. По моим данным, документально известное к настоящему времени число арестованных из этой категории летом 1919 г. в пять раз меньше.²⁸ Большевики просто не могли позволить себе такую роскошь на пике Гражданской войны и в условиях катастрофической нехватки кадров Генштаба. Разумеется, эти данные Войтиков вписывает в контекст до предела и совершенно необоснованно раздутого им мнимого противостояния старых и молодых генштабистов.

Ошибки в отношении кадров Генштаба носят в книге практически системный характер. Вот лишь те, что удалось заметить. Племянник главкома И. И. Вацетиса Э. И. Вацетис не был, вопреки заявлению Войтикова (С. 16), ни слушателем, ни выпускником академии Генштаба. Войтиков почему-то полагает, что фамилия «Хитрово» не встречается в списках Генштаба (С. 180, 335) и считает, что указание на соответствующую фамилию одного из предполагаемых участников контрреволюционных организаций «Хитрово» является ошибочным написанием фамилии генштабиста В. В. Хрулева, хотя никаких оснований для подобного утверждения нет. Между тем, среди выпускников академии было, как минимум, два офицера с такой фамилией, один из которых, бывший генерал В. М. Хитрово, был в сентябре 1919 г. арестован (возможно, именно о нем и идет речь в данном случае),²⁹ а курсовик (и, кстати, однокашник Теодори) бывший штабс-капитан К. С. Хитрово еще в декабре 1918 г. бежал на Украину, а позднее оказался в войсках А. И. Деникина.³⁰ Неверно идентифицирует Войтиков и генштабиста Полякова, который, по мнению чекистов, возглавлял подпольную организацию в Петрограде (С. 180, 335). Речь идет не о Б. И. Полякове 1906 г. выпуска из академии, а о Б. П. Полякове выпуска 1911 г., причем первый вообще не служил в РККА. По неизвестным причинам автор не отнес к генштабистам бывшего Генштаба полковника В. К. Токаревского (С. 187), ошибочно указал инициалы генштабиста В. И. Селивачева (С. 190) и уж совсем комичным выглядит отнесение к генштабистам врача Н. А. Семашко (С. 299).

На основании различных, как считает Войтиков, по времени дат выпуска из академии арестованных генштабистов (В. В. Да-

лер, Г. И. Теодори, В. Ф. Тарасов, П. Ю. Анциферов, А. П. Медведев) автор книги делает спорный вывод о невозможности связи между ними (С. 164–166). При этом Войтиков не обнаружил данных о курсовике П. Ю. Анциферове и не смог установить, что Анциферов, В. Ф. Тарасов и И. Д. Моденов вместе учились в академии. Эти факты разрушают его построение о невозможности знакомства этих военных специалистов.

По мнению Войтикова, Г. И. Теодори «занимал примерно 61 позицию» при выпуске (С. 56). По документам он действительно, а не примерно был 61-м, но отнюдь не при выпуске из академии, а лишь при окончании ее младшего курса.³¹ Надо полагать, Войтикову безразлично: идет ли речь о младшем или же о старшем курсе. Оригинально и то, что Войтиков Николаевскую академию Генерального штаба образца мая 1917 и даже 1918 г. именует Императорской (С. 56, 338), хотя она уже давно не носила этого наименования. Еще оригинальнее утверждение, что курсовик Теодори закончил курс по первому разряду, но не попал на мраморную доску. Между тем, выпускники ускоренных курсов, в отличие от выпускников довоенной академии, не делились на разряды (существовало лишь три категории свидетельств об окончании курсов), а их имена не заносились на мраморные доски. Пишет Войтиков и о том, что Теодори служил «старшим адъютантом в Генштабе» (С. 56). На самом деле специалисты Генштаба замещали должности старших адъютантов штабов дивизий, корпусов, крепостей и т. д., должности же «старшего адъютанта в Генштабе» не существовало.

Грубой ошибкой является утверждение о причислении 27 июня 1918 г. «всех генштабистов ускоренного выпуска... к корпусу офицеров Генерального штаба» (С. 59). Во-первых, не причислены, а переведены в Генштаб тогда были 133 слушателя старшего класса 2-й очереди из 165. Во-вторых, выпускники других очередей ускоренных курсов в этот день в Генштаб не переводились. В-третьих, корпуса офицеров Генштаба в РККА не существовало, как не было и самого понятия «офицер».

А чего стоит фраза о неких списках генштабистов, дежуривших по Полевому штабу, которые составил А. Г. Кавтарадзе и которые якобы позволили Войтикову узнать, кто из этих лиц был выпускником ускоренных курсов! Во-первых, Кавтарадзе не составлял таких списков. Видимо, Войтиков так именует неполный перечень военспецов-генштабистов, опубликованный в приложении к книге Кавтарадзе. Во-вторых, коль скоро Войтиков занимается изучением проблем Вооруженных Сил, он должен понимать, что данные об окончании академии Генштаба должны содержаться в соответствующих учетных материалах. Однако поскольку основ-

28. Данные обо всех арестованных выпускниках академии по материалам РГВА см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. М., 2009.

29. Обречены по рождению... СПб., 2004. С. 114–115.

30. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 165.

31. РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.

ным источником знаний о служебном пути военспецов для Войтикова являются материалы сети интернет, удивляться не приходится. На основе неполных данных Кавтарадзе Войтиков вычисляет процент курсовиков среди сотрудников Полевого штаба. Однако даже в коротком списке из 12 фамилий он умудрился упустить одного курсовика — Б. И. Кузнецова (С. 74–75).

Логика часто подводит автора работы. К примеру, он развивает сюжет о том, что большевики якобы опасались курсовиков уже летом 1918 г. (С. 60). Далее почему-то приводится пример с арестом генштабиста Ф. В. Костяева, который представлял отнюдь не ускоренные выпуски академии, а довоенный Генштаб.

Войтиков пишет, что однокашники Г. И. Теодори пытались его освободить через головы начальства (С. 77), однако это не соответствует действительности. Санкцию на обращение в «сферы» ходатай за Теодори как раз и получили от своего армейского начальства — главнокомандующего И. И. Вацетиса и начальника Полевого штаба Ф. В. Костяева. Об аресте Теодори был поставлен в известность и Троцкий, но, к сожалению, данными о его реакции я не располагаю.

Отдельные высказывания Войтикова прямо-таки удивительны. Например, тезис о том, что академия Генштаба РККА была «обычным местом опалы — в октябре 1918 г. туда „сослали“ Теодори, годом позднее Костяева, в 1920 г., к примеру, В. И. Чапаева» (С. 306). Я далек от того, чтобы считать Войтикова не знающим из школьных учебников, что Чапаев погиб в 1919 г. В академию же Василий Иванович попал не в 1920 г., когда его уже не было в живых, а в конце 1918 г. Можно, конечно, допустить, что этот текст оказался в книге лишь в результате поспешности и невнимательности ее автора. Однако здесь же содержатся оценки, которые нельзя свести к простым опечаткам. Так, перевод Чапаева в академию трактовался как опала лишь в давно устаревших и не соответствующих современному уровню разработки проблемы публикациях 1930-х гг., когда считалось, что в академию Чапаева отправили ставленники Троцкого из РВС 4-й армии, якобы стремившиеся в своих «враждебных» интересах устранить «легендарного начдива» от дивизии и убрать его с фронта. Надо ли говорить, что такая оценка совершенно не соответствует реальному развитию событий.³² К сожалению, неоднократное использование документов и трактовок периода борьбы с троцкизмом (С. 32–33, 306, 312) для подтверждения собственной позиции лишь уводит автора от подлинной истории. Также следует пояснить, что в октябре 1918 г. академия еще не открылась и «обычным местом опалы», например, для Теодори, быть не могла, хотя он действительно был

32. Подробнее об академической истории Чапаева см. мою статью: Ганин А. Чапай в академии. Василий Иванович и высшее военное образование // Родина. 2008. № 4. С. 93–97.

туда переведен. Добавлю, что Войтиков смешивает преподавателей академии и слушателя Чапаева, что представляется некорректным.

В-третьих, Войтиков нередко весьма вольно обращается с историческими фактами, а стиль его книги во многих случаях вообще неприемлем для научной литературы. Чего стоят выражения вроде: «3 января 1919 г. А. А. Антонов сделал оговорку по Фрейду» (С. 66), «Троцкого как следует пнули на заседании Политбюро» (С. 163), «Троцкому удалось приручить Эфраима» (С. 186, о взаимоотношениях Троцкого с Э. М. Склянским), «И. Т. Смилга в интервью корреспонденту „Правды“ включил шарманку» (С. 244), «хитрый Эфраим» (С. 278, о Э. М. Склянском), Ленин «за что боролся, на то и напоролся» (С. 301), Троцкий «прохлопал контру в собственном ведомстве» (С. 314) и т. д. С настойчивостью, заслуживающей лучшего применения, автор дважды (!) на страницах книги предлагает читателям посмотреть американский фильм «Плутство/Вилияние собакой» (С. 53, 338).

Немало передержек Войтиков допускает при попытке сравнения аппарата управления красных и белых. Во всем, что касается антибольшевистского лагеря, он основывается лишь на монографии известного исследователя истории антибольшевистского лагеря С. В. Карпенко о Белом движении на юге России, причем сведения из этой работы Войтиков неверно интерпретирует. Например, со ссылкой на Карпенко он пишет, что, по мнению генерала А. И. Деникина, разложение корпуса К. К. Мамантова «стало решающим фактором поражения Белых на фронте» (С. 304). Поскольку такое суждение кажется невероятным и для Деникина, и для Карпенко, и противоречит историческим реалиям, я обратился к работе последнего. Оказалось, там речь идет отнюдь не о поражении белого юга в целом, как следует из текста Войтикова, а лишь о конкретной неудаче рейда Мамантова.³³ Подобное неаккуратное обращение с литературой не свидетельствует в пользу Войтикова. Ничтоже сумняшеся Войтиков сравнивает Полевой штаб РВСР с Особым совещанием при А. И. Деникине (С. 87). Однако последнее, в отличие от Полевого штаба, являлось органом не военного, а гражданского управления и какие-либо параллели здесь совершенно несостоятельны, хотя для автора книги это не имеет значения. Неудивительно, что никакого сравнения не получается.

Наконец, рассуждения Войтикова о причинах поражения белых не только не соответствуют действительности, поскольку не сопоставлены между собой по времени (действия К. К. Мамантова — август–сентябрь 1919 г., борьба с Махно — сентябрь–октябрь, наи-

33. Карпенко С. В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). М., 2003. С. 253.

большие успехи Деникина и перелом в положении на фронте — октябрь), но даже отличаются крайним примитивизмом: «противник упредил части Красной армии — начался сокрушительный рейд Мамонтова; если бы не действия Н. И. Махно, все бы закончилось для большевиков весьма печально» (С. 245).

Кругозор не позволил Войтикову правильно опубликовать доклад С. И. Гусеву от 17 сентября 1919 г., в котором странной выглядит следующая фраза: «Мамонтов, Деникин, [Полуки] идут на общее соединение в районе Гомеля» (С. 226). Простейшая логика говорит о том, что в этом контексте речь идет о поляках.

К слову сказать, это далеко не единичная ошибка при публикации документов. Разумеется, в работе любого исследователя могут иногда встречаться отдельные неточности. Но, к сожалению, документальные приложения работы Войткова отличает в целом невысокий уровень подготовки и обработки. Для примера возьму документы, опубликованные в пятой главе книги. Сверка опубликованных там шести документов с их оригиналами показала, что в пяти из них содержатся пропуски или произвольная замена отдельных слов, или пропуск даже целых фраз. Один документ (записка Теодори Дзержинскому) опубликован с внушительными купюрами, произведенными непонятно по какому принципу. Текст одного из опубликованных документов вследствие неточностей стал просто абсурден. Речь идет о фразе из письма Н. П. Исаевой Э. М. Склянскому «семья покойного брата, сражающегося в настоящий момент в рядах Красной армии на Южном фронте» (С. 288). На самом деле в подлинном документе написано следующее: «семья покойного брата, которым необходима его поддержка, и младшего брата, сражающегося в настоящий момент в рядах Красной армии на Южном фронте»³⁴. В ходатайстве Е. Я. Доможирова на имя Склянского Войтиков умудрился пропустить упоминание об одном из лиц, которые могли засвидетельствовать добросовестную работу мужа просительницы Н. Н. Доможирова (С. 285). Речь идет о председателе ревтрибунала Денисове, указанном в документе вместе с должностью³⁵. Подобные пропуски и неточности серьезно снижают уровень доверия и к другим публикуемым в работе документам, требуя их сверки с оригиналами.

Весьма удивительна критика Войтиковым моей обзорной статьи о репрессиях в отношении бывших офицеров-генштабистов в Гражданскую войну и столь пристальное к ней внимание (С. 11–12, 73, 317 — больше или столько же, сколько уделено Войтиковым обзору целых книг по изучаемой теме). Подобное внимание не объясняется простым стремлением автора книги к истине — ни по его крайней эмоциональности, ни по мизерному количеству высказан-

34. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 26 об.

35. Там же. Л. 22.

ных замечаний. Оно, вероятнее всего, связано с простым неприятием автором того факта, что он далеко не единственный и не первый исследователь проблемы (в частности, мною впервые были введены в научный оборот некоторые документы, также цитируемые или публикуемые Войтиковым).

Опустим общий самоуверенно-развязный тон Войткова, недопустимый в научных трудах (а он позиционирует свою книгу как научную монографию) и обратимся к конкретным замечаниям. Как выясняется, за потоком обширных цитат из моего текста (а также периодического ерничанья в виде закавычивания слов «необоснованные репрессии», «анализ») действительно осмысленных замечаний практически нет. Единственный конкретный упрек в невладеии историографией вопроса о кризисе ВЧК в конце 1918 — начале 1919 г. («А. В. Ганин... обнаруживает незнание даже имеющейся литературы» — С. 11) выглядит совершенно не убедительно. Для усиления эффекта автор даже специально вынужден пояснить, что мне имеет смысл ознакомиться не с публикацией Д. С. Новоселова, которую я указываю в примечаниях к своему материалу, а с его более ранней статьей на ту же тему. Допустить, что я могу быть знаком с этой работой, автор, вероятно, не может. Кроме того, видимо, в знании этой статьи, по мнению Войткова, и кроется полноценное знакомство с историографией проблемы. Сопоставление двух статей Д. С. Новоселова (его документальная публикация в «Военно-историческом журнале» содержит объемное предисловие, фактически носящее характер самостоятельной статьи) не свидетельствует о том, что эти два текста друг другу противоречат. Новоселов справедливо отмечает в обеих публикациях неподконтрольность ВЧК советскому руководству, кроме председателя СНК В. И. Ленина (в моей статье приведены свидетельства того, что даже Ленин не всегда мог контролировать чекистов), самоуправство чекистов, серьезные кадровые проблемы, в результате которых в «органы» попадали откровенные уголовники, факты произвола чекистов и применения пыток.³⁶ Некоторые части двух публикаций совпадают практически дословно и никак не противоречат тем тезисам, которые приводятся в моей статье, в том числе и со ссылкой на эти материалы. Что же хотел сказать Войтиков, кроме как хоть чем-нибудь задеть другого исследователя?

При этом сам Войтиков отнюдь не спешит продемонстрировать своё «знание литературы»: в его книге (а не журнальной статье)

36. Новоселов Д. С. Кризис ВЧК в конце 1918 — начале 1919 годов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 66–77; «Приступить немедленно к ликвидации ВЧК...». Проект Л. Б. Каменева о реформировании ВЧК и системы ревтрибуналов/Публ. Д. С. Новоселова // Военно-исторический журнал. 2006. № 12. С. 51–55.

нет ссылок ни на монографию И. С. Ратьковского,³⁷ ни на сборник документов «Обречены по рождению»,³⁸ имеющий прямое касательство к теме репрессий в РККА в этот период, ни на труды сотрудников Службы безопасности Украины, опубликовавших ряд до сих пор находящихся на закрытом хранении в России документов по репрессиям лета 1919 г. в отношении руководства РККА.³⁹ Более того, историографический обзор книги Войтикова вообще лишь в самой слабой степени охватывает работы по истории органов госбезопасности и историографию репрессий в отношении комсостава РККА, не говоря уже об историографии большевистской партии и РККА, хотя книга, по сути, затрагивает все эти сюжеты, а анализ немногих учтенных публикаций нередко носит поверхностный характер. Войтиков по мотивам статьи А. А. Здановича критикует книгу Н. С. Черушева «Военные заговоры в Советской России: действительные и мнимые» (С. 7) и попадает в просак, поскольку на самом деле у Черушева *нет такой книги*. Это лишь название главы из его работы «1937 год. Был ли заговор военных?», вышедшей, между прочим, в той же серии, что и книга самого Войтикова. Возникает резонный вопрос: знаком ли с этой книгой Войтиков.

Удивляет лишь то, что Войтиков уделил столь пристальное внимание моей небольшой по объему статье, даже не удосужившись ее внимательно прочитать. Поэтому с каждым своим замечанием он оказывается в неловкой ситуации. В качестве еще одного замечания в мой адрес, видимо, следует понимать тот пассаж, в котором Войтиков разъясняет, что нельзя смешивать ВЧК и Петроградскую ЧК. Однако, во-первых, в моем тексте смешения нет, а, во-вторых, Петроградская ЧК являлась структурным подразделением Всероссийской, так что к ней могут быть в полной мере отнесены и многие черты, присущие последней.

Войтиков пишет, что я якобы не учел того, что Особый отдел в декабре 1918 г. существовал только на бумаге, а решение об освобождении генштабистов из-под ареста должен был проводить якобы отдел военного контроля регистрационного управления Полевого штаба РВСР (С. 73). Обращение к моей статье вновь демонстрирует невнимательность Войтикова: у меня описывается обращение Ленина к председателю Петроградской ЧК с просьбой об освобождении арестованных, об Особом отделе применительно к этой истории речь не идет. В то же время приведенный мною факт непосредственного обращения Ленина к руководству ПетроЧК никак не свидетельствует в пользу тезиса Войтикова о том,

37. Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006.

38. Обречены по рождению... СПб., 2004.

39. З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18).

что дело с освобождением арестованных провалила такая инстанция, как регистрационное управление. Неспособность же советского диктатора добиться от чекистов повиновения наглядно демонстрирует неподконтрольность последних в этот период.⁴⁰ Следующее замечание, что я «не нашел документов, показывающих, кто „напомнил“ Петроградской ЧК о решении Совета Обороны», вообще смотрится нелепо. Возможно, Войтиков уже ознакомился со всеми интересующими его документами, однако процесс архивного поиска не имеет своего предела, в том числе и в рамках темы книги Войтикова. Во всяком случае, мне известен целый ряд документальных свидетельств по данному вопросу (некоторая часть из них публикуется в *Приложении*), с которыми Войтиков не знаком.

И, наконец, хочу отметить последний пассаж Войтикова о моем тексте, содержащийся уже в примечаниях (С. 317). Речь идет о введении двух большевистских представителей в контрольно-ревизионный отдел ВЧК для непосредственного надзора за расследованием дел бывших генштабистов, о чем я писал как о беспрецедентном событии, призванном *обуздать произвол* чекистов в отношении военспецов. Войтиков пишет, что эти факты являются... еще одним свидетельством *подконтрольности* ВЧК ленинскому Совету Обороны. Войтиков как бы пытается спорить с приведенными мною данными о случаях неподчинения чекистов высшим советским руководителям. Однако спорить с многократно документированными фактами — занятие малопродуктивное. Я нигде не писал об *абсолютной* неподконтрольности органов ВЧК, однако тот факт, что у большевистского руководства в 1918–1919 гг. регулярно возникали довольно серьезные проблемы во взаимодействии с чекистами, даже на нынешнем этапе изучения истории первых лет существования ВЧК, является вполне очевидным.

Выводы автора книги представляются более чем спорными. Уже говорилось о многократном преувеличении Войтиковым целого ряда явлений, о его некритическом подходе ко многим свидетельствам и о незнании им целого ряда важных моментов избранной им темы. Все это не могло не сказаться и на выводах работы. Во-первых, остаются недоказанными проходящие красной нитью через книгу Войтикова рассуждения об ожесточенной конфронтации между Лениным и Троцким в 1918–1919 гг. и стремлении по-

40. В отношении неподконтрольности чекистов наиболее красочный пример можно привести о представителях ведомства Дзержинского, работавших в Туркестане, которые, получив в конце 1918 г. мандаты за подписью В. И. Ленина и руководства ВЧК, «глумились над этими мандатами, называя их ничего не значащими бумажками, держали себя грубо, вызывая, угрожали вооруженной силой...»: В. И. Ленин и ВЧК. Сб. док. (1917–1922 гг.). М., 1975. С. 127.

следнего стать полновластным диктатором в Советской России. Во-вторых, не соответствует действительности заявленная Войтиковым степень конфронтации между старыми генштабистами и выпускниками ускоренных курсов академии Генштаба. В-третьих, нельзя считать закрытым вопрос о причинах арестов в Полевом штабе и их заказчике. Хотя бы потому, что Войтиков просто отмахнулся от роли Сталина в тех событиях, тогда как именно на него как на инициатора дела Полевого штаба намекал Троцкий. Без анализа участия в произошедшем всех заинтересованных лиц реконструировать подлинный ход событий невозможно.

Войтиков считает, что Ленин с помощью ВЧК навязал верхушке РККА свою стратегическую линию и нужных ему людей (С. 312). Но не вполне понятно: о какой стратегической линии идет речь, поскольку и Троцкий, и Ленин, и Сталин были одинаково заинтересованы в победе над противником и целенаправленно работали для ее достижения. При этом «нужные» Ленину люди вовсе не давали гарантии проведения в жизнь в дальнейшем именно ленинских взглядов. К тому же сам Ленин в военные вопросы глубоко не вникал, а что касается разногласий, то уже вскоре Ленину пришлось вновь соглашаться с предложениями Троцкого, который в условиях Гражданской войны показал себя как подлинный вождь РККА, грамотный политик и стратег. Вызывает серьезные сомнения и вывод автора о росте авторитета ВЧК в результате фабрикации этого заговора (С. 313).

Большевицкие вожди в этот период уже отлично понимали, что ВЧК является реальной и во многом самостоятельной силой в политической борьбе. Очевидной была необходимость держать чекистов под жестким контролем, иной подход грозил трудно прогнозируемыми последствиями. Не исключено, что последовавшее в августе отстранение склонного к самоуправству и ответственно за аресты военспецов М. С. Кедрова от руководства Особым отделом ВЧК и замена его Ф. Э. Дзержинским стали ответной уступкой Троцкому после удаления его ставленников из Полевого штаба. Поэтому в истории с делом Полевого штаба еще рано ставить точку.

Приложение:

Новые документы о «деле» Полевого штаба

Впервые публикуемые выявленные мною документы из фонда Полевого штаба РВСР дают представление о ранее неизвестных аспектах событий весны-лета 1919 г. в Полевом штабе РВСР и существенно дополняют материалы, опубликованные С. С. Войтиковым

и А. А. Здановичем. И хотя эти документы в основном отражают взгляды репрессированных военных специалистов, они дают вполне однозначное представление о том, что же собой в действительности представляло «дело» Полевого штаба.

Первый документ рисует картину многократных нарушений, которые допускались в процессе арестов в Полевом штабе в мае 1919 г. Убедительно показывает, что под арест попадали наиболее активные и добросовестные военные специалисты, нередко обладавшие, как, например, генштабист И. Д. Моденов, уникальными знаниями в специальных вопросах. Интерес представляет и то, что чекисты в некоторых случаях действовали без ведома комиссара Полевого штаба РВСР С. И. Аралова.

Во втором документе также затронут вопрос необоснованности арестов. Показаны методы работы ВЧК с подозреваемыми, ужасающие условия содержания арестованных, произвол руководителя Особого отдела ВЧК М. С. Кедрова. Анализ заданных И. Д. Моденову вопросов дает возможность разобраться в подоплеке его ареста, связанного в том числе и с делом Г. И. Теодори.

Третий документ, пожалуй, наиболее ценный из всех. Это письмо главкома И. И. Вацетиса председателю ВЦИК М. И. Калинину, составленное в самый разгар «дела» Полевого штаба в начале июля, но не ранее 4 июля, когда был арестован выпускник ускоренных курсов академии Н. Н. Доможиров и не позднее 8 июля — когда под стражу был взят уже сам автор письма. Документ непосредственно освещает начало июльских арестов в Полевом штабе и отражает видение этих событий главкомом Вацетисом. В документе ярко продемонстрирована некомпетентность карательных органов, показано, что обвинения в отношении военных специалистов были сфабрикованы. Главком Вацетис в это время, вероятно, еще питал иллюзии относительно своей принадлежности к советскому военно-политическому Олимпу, считал себя «неприкасаемым». Поэтому он писал о происходящем откровенно, прямо и жестко. В обстановке повальных арестов в окружении Вацетиса его поручительство за арестованных сослуживцев было мужественным поступком и свидетельствует в пользу их невиновности. Вряд ли советский главком пошел бы на такой риск, если бы не был полностью уверен в своих подчиненных. Но, по всей видимости, Вацетис явно переоценил свою близость большевистской верхушке. Вместо благодарности за прежние заслуги ему выпала лишь роль пешки в сложных политических комбинациях советских вождей. Не удивительно, что собственный арест стал полной неожиданностью для Вацетиса. В целом же документ дает трезвый взгляд на происходившие события.

Телеграмма М. Д. Бонч-Бруевича содержит список арестованных военспецов. Последующие документы, во многом, похожи и представляют собой достаточно искренние прошения аресто-

ванных об освобождении. Эти прошения позволяют разобраться в причинах и характере репрессий, взаимосвязях между арестами, дают возможность составить представление о положении арестованных и их семей.

Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, но при сохранении стилистических особенностей источника. Справки о персоналиях приводятся в примечаниях в конце каждого документа.

1.

Телеграмма начальника Полевого штаба РВСР Ф. В. Костяева В. И. Ленину и Л. Д. Троцкому в связи с арестами сотрудников Полевого штаба. Приписки к телеграмме главкома И. И. Вацетиса и комиссара Полевого штаба С. И. Аралова, 6 мая 1919.

Пред[седателю] сов[ета] обороны Ленину
Пред[седателю] реввоенсовета Троцкому
Копия Главнокомандующ[ему] всеми воор[уженными] силами
Республики Вацетису
Копия За[местителю] пред[седателя] реввоенсовета Склянскому

«6» мая 1919 года Серпухов. Секретно. 3 сего мая были произведены внезапно массовые обыски и аресты у служащих Полевого Штаба Генштаба Моденоваⁱ, Медведеваⁱⁱ, Далераⁱⁱⁱ и еще других десяти сотрудников. Арестованы Генштаба Моденов и Медведев и две писмоводительницы. При обысках, насколько мне известно, до сих пор ничего компрометирующего найдено не было и отобраны предметы, не имеющие совершенно никакого значения, как то: планы Москвы, Серпухова, старые письма и прочее. Аресты и обыски произведены не только вопреки приказа Реввоенсовета Республики от 29 Сентября 1918 года за н[оме]р[ом] 6 без ведома начальствующих лиц, но даже Заместитель Комиссара Штаба тов. Голенко для ареста Генштаба Моденова позволил в служебное время в момент нахождения в Штабе Главкома и меня представителям ВЧК войти в помещение Штаба, в отделение оперативного управления и там произвести арест, о котором Главком и я узнали совершенно случайно. Арестованные Генштаба Моденов и Медведев служат в Красной армии с самого начала ее существования. Оба являются выдающимися, честными, добросовестными работниками, которые не жалели ни времени, ни сил и которые всецело отдавались служению Красной армии. Лучшей характеристикой работы Генштаба Моденова может служить его капитальный труд этнографического и исторического исследования всех советских республик, образовавшихся на территории бывшей российской империи, составлен-

ный по архивным данным в течение двух — трех недель по заданию Полевого штаба. Что касается Генштаба Медведева, то отсутствие его как начальника связи такого учреждения, как Полевой Штаб, уже начинает сказываться в отрицательную сторону. Медведев является [в] настоящее время единственным специалистом Генштаба по связи в Республике для работы в таком масштабе, который необходим для Полевого Штаба. Отсутствие Медведева повлечет и дальнейшее ухудшение связи, а следовательно крайне вредно отразится на оперативной работе Штаба. Я глубоко убежден, что генштаба Медведев и Моденов ни в какой контрреволюции замешаны [быть] не могут и арест их является также беспочвенным, как и обыски у сотрудников, у которых найдены и отобраны план Серпухова, Москвы и т. п. По долгу совести и ради дела докладываю, что такие беспочвенные, без соблюдения законных установлений обыски и аресты нервно отражаются на плановой и ответственной работе служащих Полевого Штаба и дезорганизуют самый аппарат управления. Кроме того, такие аресты и обыски дискредитируют высший военный советский орган в Республике, каковым является Полевой Штаб и могут¹ вредно отразиться на фронтах, лишая один из важнейших органов государства доверия, что в критическую минуту может повлечь за собой нежелательные последствия и губительно повлиять на боевых операциях (так в документе — А. Г.). Авторитет Полевого Штаба такими действиями ставится под подозрение, вместо того, чтобы быть вне упрека.

В видах поддержания престижа Полевого Штаба ходатайствую, чтобы ни одно учреждение, организация или должностное лицо помимо Реввоенсовета Республики не имело права вмешиваться во внутреннюю жизнь Полевого Штаба, а также не входя в рассмотрение правильности или неправильности произведенных арестов прошу о немедленном рассмотрении дел арестованных сотрудников Полевого Штаба и об их освобождении, причем генштаба Моденова и Медведева все генштабы Полевого Штаба согласны взять на свои поруки. № 169/Б. Наштареввоенсовета Республики Генштаба Ф. Костяев. Военком Ш[таба] РВСР

Согласен с изложенным в этой телеграмме; с своей стороны ходатайствую о самом срочном пересмотре дел всех арестованных за последнее время штабных работников.

Главком Вацетис
6 мая 1919 г.
Серпухов

1. В документе ошибочно — «может» — А. Г.

[Приписка С. И. Аралова:] Обыски и аресты за исключением Макарова (здесь и далее — зачеркнуто в документе — А. Г.) Аресты Генштаба Медведева, Моденова и др. произошли с моего ведома. Об обысках у некоторых лиц Макарова^{iv} и Анциферова^v я не был поставлен в известность. Тов. Кедрову я указал на необходимость в недельный срок закончить дело генштаба Медведева. В виду моей поездки [в] Москву по этому же делу начало арестов произошло без меня и были произведены неумело, на что мною указано зав. Особым Отделом в г. Серпухове, и по приезду в Серпухов беспредельные обыски приказал прекратить. В будущем считаю необходимым указать, что обыски и аресты ответственных лиц должны производиться более осторожно и осмотрительно, чем были произведены в настоящем случае.

Аралов.

РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 227–232 об.

Черновик телеграммы с рукописными дополнениями. Текст сверен с отправленным вариантом телеграммы: РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 925. Л. 380–382 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

- i. Моденов Иван Дмитриевич (1885–?) — военный специалист РККА. Участник Первой мировой войны. Служил в армейской пехоте. В 75-м пехотном Севастопольском полку (на 1915–1917). Награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. (1915) и Георгиевским оружием (1915). Последнее звание в русской армии — капитан. Окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918). Причислен к Генеральному штабу 23.3.1918. Переведен в Генеральный штаб приказом по Всероссийскому Главному штабу № 18. 27.6.1918. С 1.4.1918 добровольно вступил в РККА. Участник Гражданской войны. В РККА на 1918–1822. Служил в штабе Северного участка и Петроградского района завесы (1918). В резерве штаба Петроградского района. Консультант оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам (1918). Начальник общего отделения оперативного управления Полевого штаба РВСР (1918–1920). Находился под арестом (3–16.5.1919). Начальник штаба 14-й армии. Начальник штаба 12-й армии (14.11.1920–1.1.1921). Начальник штаба 24-й стрелковой дивизии (3.2. — 27.6.1921). Начальник 24-й стрелковой дивизии. Начальник организационного управления штаба Киевского военного округа (15.7. — 30.8.1921). Заведующий учебно-строевой частью Военной школы им. ВЦИК (с 3.9.1921, на 8.1922).
- ii. Медведев Александр Павлович (4.12.1882 -?) — военный специалист РККА. На службе с 1.10.1902. Окончил Московское частное реальное училище, Николаевское инженерное училище, офицерский класс военно-электротехнической школы и Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду (1912). Служил в 19-м саперном батальоне, Усть-Двинской крепостной минной

роты, Гренадерском саперном батальоне. Участник русско-японской и Первой мировой войн. Награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. (1907) и Св. Анны 3-й ст. (1908). Старший адъютант штаба 55-й пехотной дивизии. Помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии. И. д. штаб-офицера для поручений отдела генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии (с 5.12.1915). И. д. помощника старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии. Штаб-офицер для поручений по авиации отдела генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии (с 9.12.1916). Старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии. И. д. начальника связи действующей армии управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем (с 17.12.1917). Последнее звание в русской армии — подполковник. С 20.7.1918 добровольно вступил в РККА. Участник Гражданской войны. В РККА в 1918–1923. Начальник связи Высшего военного совета (с 20.7.1918). Начальник связи Полевого штаба РВСР. Находился под арестом (4–14.5.1919). В распоряжении начальника Всероссийского Главного штаба (1919). В распоряжении управляющего делами СНК. Начальник автобазы СНК (с 16.12.1919, на 1923).

- iii. Далер (Даллер) Владимир Васильевич (Вильгельмович) (2.2.1875–17.11.1923) — военный специалист РККА. На службе с 31.8.1893. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1902). Помощник старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа (28.11.1904–5.5.1907). Начальник штаба Зегржской крепости (5.5.1907–7.3.1909). Старший адъютант штаба Варшавского военного округа (с 7.3.1909). Награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. (1905), Св. Анны 3-й ст. (6.12.1909), Св. Станислава 2-й ст. (6.12.1912). Начальник отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего армиями Западного фронта (на 1916). Помощник начальника управления полевого генерал-инспектора артиллерии при Верховном главнокомандующем (с 10.2.1916). В распоряжении начальника Генерального штаба (1.8.1917). Последнее звание в русской армии — полковник. С 1.3.1918 добровольно поступил в РККА. Участник Гражданской войны. В РККА в 1918–1922. Начальник организационного управления Полевого штаба РВСР. Начальник административно-учетного управления Полевого штаба РВСР (1919). Арестован (1919). Приговорен Ревтрибуналом Республики 16.2.1920 к принудительным работам с лишением свободы на пять лет. Инспектор Высшего геодезического управления ВСНХ (с 22.10.1921). Погиб в СССР.
- iv. Макаров — личность не установлена.
- v. Анциферов Петр Юрьевич — военный специалист РККА. Корнет. Обучался на ускоренных курсах 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918) в качестве приходящего слушателя. Курсы не окончил в связи с отъездом из Петрограда. В РККА на 1919–10.1920.

2.

Доклад начальника общего отделения оперативного управления Полевого штаба РВСР И. Д. Моденова Ф. В. Костяеву по поводу ареста, 21 мая 1919.

НАЧАЛЬНИК
ОБЩЕГО ОТДЕЛЕНИЯ
ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПОЛЕВОГО ШТАБА
РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО
СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ
«21» мая 1919 года
№ 13380б
Гор. Серпухов
ДОКЛАД.
НАЧАЛЬНИКУ
ШТАБА

3-го мая в мой кабинет явились агенты Особого Отдела В. Ч. К. с комиссаром Морского отделения т. Клейнбергом и предъявили мне ордер за подписью т. Кедрова об обыске и моем аресте. Не выражая этому, я, зная, что без ведома своего начальства не могу быть арестован, спросил разрешения сообщить Вам по телефону об аресте, на что агентами было указано что ведь мой начальник т. Клейнберг. Возразив, что т. Клейнберг является только вр. и. д. комиссара Управления, я заявил, что моими начальниками являются — Вы и Начальник Управления, я настаивал на разрешении сообщить Вам об аресте и кому передать отделение. Агенты разрешили разговор, и я уже дал звонок в центральную, но т. Клейнберг взял трубку в руки и, таким образом, насильно лишил меня возможности разговаривать по телефону. После этого я заявил, что все же я сказал, что не уйду из отделения пока не сдам дел. Тогда т. Клейнберг сказал, — хорошо, я сейчас позову и передам, — и через некоторое время вернулся с т. Голенко, который заявил агентам, — я комиссар Штаба, — посмотря ордер и приказал арестовать. Я опять повторил просьбу сообщить Вам об аресте и кому передать отделение, на что получил ответ, что Вас в Штабе нет, а он Вам донесет, а для приема дел прислал т. Мовчина¹, которому я и был вынужден сдать наскоро текущие дела. Сообщение т. Голенко было заведомо лживое, так как на вопрос случайно зашедшему Генштаба Малышеву, — есть ли Начальник Штаба, я получил утвердительный ответ и просил сообщить Вам о своем аресте. Теми же агентами был произведен обыск у меня на квартире, после чего я был препровожден в Особый отдел Серпуховского В. Ч. К., откуда в ту же ночь отвезен на станцию и затем в Моск-

ву в Особый отдел В. Ч. К., причем никаких перевозочных средств предоставлено не было.

По прибытии в Особый отдел я был помещен в помещение для арестованных, в котором за неимением коек пришлось валяться на грязном полу.

5-го мая следователем Фогелем был сделан первый допрос, причем мне предложили следующие вопросы:

1) Как было поставлено дело сохранения военной тайны в бывшем Опероде², на что мною отвечено, что секретные дела хранились тщательно, а в кабинете Заведывающего находился постоянно партийный работник.

2) Как хранились дела Оперода — в запертых шкафах под ответственностью столоначальников.

3) Как хранились бланки Оперода — в запертом шкафу под ответственностью секретаря.

4) Как и [у] кого хранились печати Оперода — у Заведывающего Оперативным отделением т. Гиршфельда¹¹.

5) Как выпускались оперативные сводки — мною только корректировались черновые сводки, после чего сводки лично столоначальниками диктовались, давались на подпись и рассылались адресатам, т. е. после корректуры сводки уже не возвращались ко мне.

6) Характеристика Генштаба Теодори.

7) Характеристика бывшей переписчицы Троицкой.

8) Знал ли я, что Троицкая взяла из Оперода бланки и телеграммы — не знал, так как всем этим ведал секретарь.

9) Давал ли я Троицкой бланки телеграммы с печатями — не давал, т. к. печать была у т. Гиршфельда.

10) Правда ли, что я давал Троицкой печатать доклад о маневре 18 августа 1918 года — давал, так как маневры происходили каждое воскресенье и все очередные доклады, которые потом рассылались во все районные комиссариаты.

11) Правда ли что я давал Троицкой печатать доклад об имуществе Южного фронта — не давал, т. к. снабжением ведало другое лицо, и дела снабжения не входили в мои обязанности.

12) Правда ли Теодори в моем присутствии передавал Генштаба Тарасову¹¹¹ пакет без адреса и пакет с деньгами для передачи родителям в Евпатории — не видел и не знаю, т. к. Теодори занимался в другом кабинете.

13) У Троицкой найден обрывок бумаги, на котором написано моею рукою «Восточный фронт» — не помню и не знаю, что это было (Эта бумага предъявлена мне не была ни на первом допросе, ни на следующих).

14) Знаю ли я Далера — по службе.

15) Знаю ли я Анциферова — по службе.

2. Ород — Оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам.

- 16) Знаю ли я Тарасова — по Академии.
- 17) Знаю ли я Медведева — по службе.
- 18) Знаю ли я Тарановского^{iv} — не знаю.

После всех этих вопросов мне был предложен вопрос, как может быть предложен всякому, имею ли я сношения с белогвардейцами, на что я ответил, что не имею и не имел, за что ручаюсь головой.

Несмотря на то, что предложенный вопрос был только вопросом; а все предыдущие вопросы указывают, что я только свидетель по делу Троицкой мне пишется обвинение в шпионаже, в прочтении которого я и расписываюсь.

13 мая мне были предъявлены и запроотоколены следующие документы, отобранные у меня при обыске.

- 1) Серединка Штабной продовольственной карточки за вторую половину апреля.
- 2) Два отрывные купона пропуска в Штабной вагон.
- 3) Желтый железнодорожный билет, выдаваемый в кассах в обмен на литературу.
- 4) Квитанция телеграммы.
- 5) Письмо мое сестре о покупке цепочки и часов.
- 6) Блокнот, в котором были записаны номера коммутатора Регистрационного Управления, чей-то адрес, где я мог остановиться в Москве на случай командировки, очередь дежурств в Штабе.

После этого допроса следователь Фогель сообщил, что, вероятно, дня через два я буду освобожден.

15-го мая я был вызван на очную ставку с Троицкой, при чем предложены следующие вопросы:

- 1) Знал ли я, что Троицкая взяла в Опероде по уходе оттуда бланки и телеграммы и давала мне в Полевом Штабе — приносила мне в Полевой Штаб бланки бывшего Оперода для черновиков и другие канцелярские принадлежности, но что она брала уходя, не знаю, т. к. я убыл из Оперода 1–2-го ноября [1918 г.], а она оставалась там до 10–12 и что она брала я знать не могу.

- 2) Правда ли, что Теодори в присутствии моем и других передавал пакет Тарасову для передачи в Евпаторию родителям — я категорически отрицаю это, т. к. не видел.

- 3) Правда ли, что я давал Троицкой бланки телеграммы с печатями, которые она тут же разорвала — категорически отрицаю, т. к. печать была у т. Гиршфельда и чистых бланков с печатями я не имел.

- 4) Правда ли, что я попросил у Троицкой список инвентаря Южного фронта, который посмотрел и сразу же вернул — категорически отрицаю, т. к. если бы мне надо было [ознакомиться] с действительно бывшим таким списком, то я взял бы у лица, ведающего этим.

16-го мая утром я под конвоем был препровожден опять в Особый отдел, где был освидетельствован в комиссии, причем несмотря на имевшиеся физические недостатки, я из-за самолюбия отказался раздеться, сказав, что здоров, т. к. все равно был бы при-

знан годным. Около 14 часов я был освобожден, причем мне было вручено удостоверение в годности к военной службе и взята подписка, что я 17-го явлюсь в Штаб Округа. В шаблонном удостоверении, несмотря на указание, что Генерального Штаба и состою на службе в Полевом Штабе т. Кедровым дописано «обязательно на фронт и на строевую службу» — а срок явки вместо 19-го исправлен на 17-е (копия в приложении).

В ночь с 16-го на 17-е я ездил в Оперод Главкома, где виделся с Военкомом т. Араловым, и на мой протест действиям т. Кедрова, т. Аралов написал сношение т. Кедрову с тем, что я как специалист могу быть назначен только на штабную работу и буду назначен на фронт по указанию Полевого Штаба.

17-го мая с этим сношением я ходил к т. Кедрову, который через дежурного курьера передал на словах, что как Штаб Округа хочет, так и пусть делает.

В тот же день, выполняя взятую с меня подписку, я явился в Штаб Округа, где назначение на фронт лица, состоящего уже на фронте и специалиста в строй вызвало недоумение и в результате я получил сопроводительную бумагу для явки в Полевой Штаб.

Из всего указанного считаю необходимым подчеркнуть, что арест меня по ордеру т. Кедрова в здании Полевого Штаба в присутствии Главкома и Вашего произведен насильно комиссарами Клейнбергом и Голенко, не выполнившими приказов Реввоенсовета Республики, не допустивших доклада Вам об аресте. Как видно из доклада, я являлся только свидетелем по делу Троицкой, т. к. данных шпионажа не имелось никаких, между тем, вместо допроса на свободе, я был арестован и отбыл в тюрьме 10 дней, что, допуская всякие возможности, сделало меня нервно-больным и ослабленным физически. Уже тогда, когда я признан невинным и был выпущен на свободу, т. Кедров, врываясь в чужую область управления, в наказание за невиновность собственной властью назначает на фронт, то есть допускает лишнее издевательство над личностью и правами лиц, ему не подчиненных. На днях по распоряжению т. Кедрова отправлен по освобождению из тюрьмы в строй на фронт Саранцев, состоявший в Регистрационном Управлении, признанный невинным.

3-го мая у меня на квартире была арестована моя гражданская жена Капитолина Алексеевна Алексеева и одновременно препровождена в Бутырскую тюрьму. Только спустя 10 дней после ареста она была допрошена, на котором (допросе — А. Г.) выяснилось, что никакого отношения к Опероду она не имела, т. к. там не служила, но все же ей без всяких данных предъявлено обвинение в шпионаже. Из документов найдены испорченные черновики с заголовком «Приказ Реввоенсовета» без текста и какая-то испорченная телеграмма, не имеющая значения. Без этих, не имеющих значений документов не представлялось даже возможности допрашивать ее, почему допрос был произведен только 10 дней спустя после ареста.

16-го мая К. А. Алексеева была освобождена из тюрьмы, причем ей объявлено, что она признана невиновной, но вместе с тем, единоличным решением т. Кедрова она назначена на 6 месяцев принудительных работ и лишена права служить в военных учреждениях. Таким образом, за свою невинность Алексеева наказана 13-дневным заключением в тюрьме, лишением права служить в военных учреждениях и вытекающим отсюда увольнением со службы и 6-ти месячному принудительному труду (так в документе — А. Г.). Объяснение некоторых сотрудников Особого отдела, что это не наказание и что все женщины, бывшие в тюрьме назначаются на принудительные работы есть позорное издевательство над невиновной женщиной и назначение на принудительные работы без суда есть личное решение и произвол т. Кедрова. Все отношение служащих — сплошное издевательство с угрозой опять арестовать. Несмотря на то, что постоянно Алексеева живет в Серпухове и в Москве не имеет ни родных, ни знакомых, и в тюрьму ею не взято никаких вещей, т. к. при аресте было заявлено, что она будет только допрошена в Серпухове, ей не разрешили даже съездить в Серпухов за вещами. Издегавшаяся нервно и уже больная, она назначена уже на работы в Сокольниках (8 верст один путь) и с 22 мая начнет работать.

Несмотря на отсутствие каких-либо улик и то, что я и жена являлись только свидетелями по делу Троицкой, мы были арестованы, понесли за невиновность наказание и потеряли здоровье, некоторые из таких же свидетелей, напр., С. И. Кухтина, служившая в Опероде и сл [едовательно] знавшая хорошо Троицкую, по каким-то причинам была только вызвана на допрос в Особый отдел Серпуховского В. Ч. К. и после допроса отпущена.

Считая свою жену абсолютно невиновной, и уже достаточно наказанной я открыто протестую против подобного насилия над невинной и прошу Вашего всяческого содействия в немедленном освобождении ее от работ. Подобное грубое насилие по единоличному решению т. Кедрова и страдания невиновной жены, не имеющей даже квартиры в Москве, нервирует меня и работать при создавшихся условиях я не в состоянии.

Вообще в действиях т. Кедрова усматривается полнейший произвол. Не считая себя и Саранцева, т. Кедровым в связи с делом Троицкой назначены к принудительным работам на год с содержанием, но в концентрационном лагере две бывших переписчицы Оперода сестры Добровольские, состоявшие в последнее время, одна — на курсах разведки, другая — в Регистрационном Управлении. Та и другая находились более двух месяцев в тюрьме и теперь по болезни переведены в тюремную больницу, одна — с туберкулезом легких, другая — с нервными припадками. На днях без суда расстреляны в связи с делом Троицкой — Гаранов (бывш. телеграфист Полевого Штаба) и Сенкевич (должности не знаю). Кроме того, аресты и обыски продолжаются; на днях арестованы теле-

графистка Полевого Штаба Пятковская и делопроизводитель Инспектора Артиллерии Никольский.

В заключение докладываю и прошу 1) немедленно освободить от работ К. А. Алексееву, т. к. мое нервное состояние, при виду (так в документе — А. Г.) произвола над ней, портится и мешает мне работать, 2) гарантировать мне свободу личности от притязаний т. Кедрова, чем дать возможность нормально нести службу, хотя бы даже на фронте, 3) принять меры воздействия на комиссаров т. Голенко и т. Клейнберга и 4) не допускать единоличного решения т. Кедрова над людьми, не только не виновными, но даже и виновными.

Генерального Штаба И. Моденов

РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 229–233. Подлинник. Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

- i. Мовчин Николай Николаевич (27.9.1896–3.9.1938) — военный специалист РККА. Член партии эсеров (с 1917), член РКП (б) (с 1919). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Окончил школу прапорщиков при Алексеевском военном училище (1915) и Военную академию РККА им. М. В. Фрунзе (1927). Последнее звание в старой армии — поручик. Избран председателем дивизионного и армейского комитетов 3-й армии Западного фронта (1917). Демобилизовался по болезни. Арестован, содержался в Бутырской тюрьме (не позднее 1919). Освобожден. В РККА с 1.1919. Секретарь комиссара оперативного управления Полевого штаба РВСР, комиссара Разведывательного отдела Полевого штаба РВСР. В Штабе РККА на различных должностях в мобилизационном отделе и управлениях штаба, последняя должность — помощник начальника организационно-мобилизационного управления. После окончания военной академии работал в мобилизационных органах промышленности, а с 1928 по 1933 гг. — в Штабе РККА помощником начальника организационно-мобилизационного управления, начальником 5 Управления (планово-материального). В 1933 г. явился инициатором создания службы снабжения горючим и возглавил управление снабжения горючим РККА. Комкор. Арестован 25.12.1937. Приговорен военной коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу по обвинению в участии в военно-фашистском заговоре. Расстрелян. Реабилитирован 25.8.1956. Автор книг: «Комплектование Красной армии (исторический очерк)» (1926); «Последовательные операции по опыту Марны и Вислы» (1928).
- ii. Гиршфельд-Островский Александр Владимирович (1897–1962) — уроженец Юрьева Эстляндской губернии, родился в семье врача. Окончил гимназию в Москве (1915). Член РСДРП (б) с 1918. С 1918 в РККА. Начальник оперативного отделения оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам. Военный комиссар оперативного управления Полевого штаба РВСР (1918–1919). Слушатель академии Генштаба РККА, окончил академию в 1922. Начальник штаба ударной группы 25-й и 49-й стрелковых дивизий Восточного фронта (1919). Начальник отделения разведывательного управления Полевого штаба РВСР (1920). Военный комиссар Инспекции пехоты РККА (1920–1922). Коман-

дир роты и батальона в Московском военном округе (1922–1924). Начальник отдела Штаба РККА (1924–1926). Окончил 1-й МГУ (1926). Начальник мобилизационного отдела народного комиссара финансов СССР, военный советник наркома (1926–1929). Старший руководитель кафедры, адъюнкт курсов усовершенствования начальствующего состава Военной академии им. М. В. Фрунзе (1929–1931). Секретарь полпредства в Берлине (1931–1935), выполнял задания ИНО ОГПУ. Генеральный консул в Кенигсберге (1935–1938). Поверенный в делах в Риге (1937–1938). В резерве НКВД (1938). Старший научный сотрудник Института истории АН СССР. Участник Великой Отечественной войны. Командир полка дивизии народного ополчения. Позднее — на научно-педагогической работе. Кандидат исторических наук.

- iii. Тарасов Владимир Федорович — военный специалист РККА. Участник Первой мировой войны. В 14-й и 13-й конно-артиллерийских батареях. Последнее звание в старой армии — капитан. Окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918). Причислен к Генеральному штабу 23.3.1918. Переведен в Генеральный штаб приказом по Всероссийскому Главному штабу № 18. 27.6.1918. В РККА добровольно с весны 1918. Участник Гражданской войны. Консультант оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам (1918). Начальник агентурного отдела Региструпра Полевого штаба РВСР (11.1918). Начальник штаба советского Южного фронта (13.11.1918–7.6.1919). В распоряжении начальника Полевого штаба РВСР. Вр. и. д. начальника штаба 9-й армии. Вр. и. д. начальника штаба 8-й армии (10.8. — 2.10.1919). Вместе с двумя другими генштабистами (В. А. Желтышевым и А. С. Нечволодовым) пропал без вести 2.10.1919 при переводе штаба армии из Усмани в Колодезную. Перешел на сторону ВСЮР. В эмиграции — в Сербии (на 1922).
- iv. Тарановский Александр Дмитриевич (1.8.1885–8.10.1938) — военный специалист РККА. Из крестьян, уроженец станицы Нижне-Чирской Донской области. Окончил Тифлисское землемерное училище (1904), военно-топографическое училище с дополнительным геодезическим классом (1907). Прикомандирован как младший офицер к 57-му пехотному Модлинскому полку (с 15.10.1907). Производитель топографических работ на съемке в Финляндии и в Санкт-Петербургской губернии (с 18.3.1908). Прикомандирован к военно-топографическому училищу для занятий со строевыми офицерами (с 4.4.1909). Помощник производителя геодезических работ на триангуляции западного пограничного пространства (с 1.10.1909). Прикомандирован как младший офицер к 1-му Финляндскому стрелковому полку (с 14.1.1910). На триангуляции западного пограничного пространства (с 21.10.1911). Обучался на геодезическом отделении Императорской Николаевской военной академии (1912–1914). Приобрел права выпуска 1915 г. (слушатели, не успевшие окончить полный курс обучения в связи с началом Первой мировой войны). Участник Первой мировой войны. Прикомандирован к военно-топографическому отделу ГУГШ (19.7.1914–1915). Старший адъютант штаба Гренадерского корпуса. Ранен и контужен. И. д. штаб-офицера для поручений по авиации отдела генерал-квартирмейстера штаба 2-й армии (с 6.7.1917 до демобилизации). Окончил ускоренный курс школы летчиков-наблюдателей в Киеве (1917). Последнее звание в старой армии — подполковник. Жил в Москве. Добровольно поступил в РККА. В РККА с весны 1918 по 5.1924. Участник Гражданской войны. Начальник штаба 1-й Закавказской дивизии. Кон-

сультант оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам (1918). Арестован (8.1918–2.1919) без предъявления обвинения (первоначально обвинялся в незаконном формировании дивизии, возможно, арест связан с событиями Ярославского восстания), освобожден. Помощник правителя дел, лектор и руководитель практических занятий в академии Генштаба РККА, читал лекции по отделу разведки в рамках курса «Служба Генерального штаба» (3.1919–5.1920). Для особых поручений при командующем 3-й армией (1920–1921, вр. и. д. командующего 20.10. — 2.11.1920). Участник советско-польской войны. Член русско-польско-украинской комиссии. Начальник штаба 5-й дивизии (на 4.1921), начальник 17-й Нижегородской стрелковой дивизии. Начальник 4-й стрелковой дивизии (с 10.7.1921). Член РКП (б) на 11.1921. Начальник Северного военно-топографического отдела (с 30.11.1921–1923). Начальник корпуса военных топографов и военно-топографического отдела Штаба РККА (с 1.1923–3.1924). После демобилизации работал в картографическом издательстве НКВД. В двухлетней экспедиции на Мезень и Печору занимался комплексным изучением лесов, геоморфологией, геодезией. На 1928 — в картографической части НКВД. Инженер-геодезист, начальник съемки района Архангельска (на 1930). Арестован по делу «Весна» (26.12.1930), содержался в Бутырской тюрьме. Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ 10.05.1931 приговорен к высылке через полномочного представителя ОГПУ в Северный край на 3 года (с 26.12.1930). В период высылки продолжал геодезическую работу. Начальник отдела геодезии и картографии в Архангельске. Арестован 26.4.1933 как участник контрреволюционной организации в Заостровье. Освобожден 29.12.1933 в связи с прекращением дела. Реабилитирован в 1988. Арестован 30.12.1937 по обвинению в шпионаже в пользу Польши и в руководстве вредительской группой в Северном геологическом тресте. Приговорен тройкой УНКВД по Архангельской области к расстрелу. Расстрелян. Реабилитирован 15.9.1989.

3.

Копия письма главкома И. И. Вацетиса председателю ВЦИК М. И. Калинин в связи с арестами в Полевом штабе РВСР, начало июля 1919.

Копия.
Председателю Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета
тов. КАЛИНИНУ.
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
ВСЕМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ
РЕСПУБЛИКИ
«» Июля 1919 года
№

В ночь с 3 на 4 Июля с /г. был арестован приехавшим из Москвы на автомобиле председателем В. Ч. К. тов. Павлунов-

ским³ (здесь и далее — разрядка документа — *А. Г.*), состоящий в моем распоряжении бывший Командарм 15 Генерального Штаба *Н. Н. Доможиров*¹.

Это уже не первый арест лиц Генштаба, занимавших ответственные посты во вверенной мне Красной Армии и притом как предыдущие аресты, так, тем более и указанный — лица, состоящего в непосредственном моем распоряжении — совершилось без моего ведома, вопреки приказу Реввоенсовета Республики от 29 Сентября 1918 года за № 6, создавая дезорганизующее начало и подрывая дисциплину Красной Армии в смысле авторитета Начальства.

Учитывая же то обстоятельство, что аресты коснулись, главным образом, тех лиц Генштаба, которые мне, как Главнокомандующему, были известны исключительной своей энергией на пользу военного дела, обладая в последнем [случае] весьма большими опытом и знанием, мало этого, известны[е] как лица определенных твердых убеждений служить честно порученному им делу, не принося последнего в жертву тем или иным личным отношениям или интересам, — одним словом — известны как высокой ценности работники, становится совершенно непонятным явление подобных арестов, в корне подрывающих и тяжелую работу в настоящий момент в армии и мой авторитет, как Главнокомандующего, который не ставится предварительно в известность об аресте лиц, непосредственно подчиненных или занимающих ответственные посты в Красной Армии.

Если же принять во внимание еще то обстоятельство, что по частным данным мне приходится все более убеждаться, что названные аресты носят в себе отпечаток личных отношений с комиссарской частью, создающихся на почве объективного отношения со стороны арестуемых к военному делу с точки зрения только военного искусства и отнюдь не «контрреволюции», под каковую усердно порою старается подвести честного работника комиссарская часть, лишая на долгие времена, а может быть и навсегда, крайне нужного работника [своего] дела, то создается безотрадная картина службы необходимых работников Красной Армии, дающая ясный ответ на предложенный вопрос т. Павлуновским т. Доможирову, почему у противников лучше командный состав.

Если бы фактически и были среди арестованных ответственных военных работников шпионы (чего на самом деле нет), то ведь это прежде всего вредит делу военному, и я полагал бы не лишним в этом случае предварительно знать мое мнение о том или другом лице и ознакомить меня с фактическим материалом обвинения, нежели сразу арестовывать, ибо ошибки или пристрастие в аресте

3. Автор неточен — *И. П. Павлуновский* не был председателем ВЧК, а являлся заместителем начальника Особого отдела ВЧК.

несет в настоящее время непоправимый вред делу. У самых энергичных работников после подобного эксперимента, произведенного над ним, создается [извес?] тная инертность потом в деле, которое они заведомо будут приносить в жертву личным отношениям с комиссарской частью, дабы опять не создать процесс о «контрреволюции».

Недопустимо взваливать ответственную работу на военного специалиста с полной ответственностью за порученное ему дело, не оградив его раз навсегда от фабрикации «контрреволюции» со стороны политических работников при нем, не ответственных по его специальности. Этим, безусловно, в итоге будет забита вся честная и беспристрастная энергия в военном деле с заменой ее расшаркиванием перед комиссарами, дабы не попасть в разряд контрреволюционеров и шпионов.

Таким образом, нельзя создать надлежащее командование и управление. В итоге все мои директивы по командованию вооруженными силами Республики будут решаться исключительно с комиссарской точки зрения, с приношением ей в жертву знаний специальности.

Это явление крайне ненормальное.

Я, как Главнокомандующий, прошу обратить на подобное дезорганизующее явление, принимающее все больш [и] е размеры, самое глубокое внимание и предоставить мне право голоса при предполагающемся аресте кого-либо из лиц, мне непосредственно подчиненных или занимающих крупные ответственные посты, а приказу Реввоенсовета Республики от 29 сентября 1918 года за № 6 дать полную силу действия с полной гарантией от нарушения, ибо в настоящий грозный момент Республика нуждается в энергичных и твердых работниках Генерального Штаба, девизом коих должны быть исключительно: «Оборона страны на основе военно-научных требований, а не личных отношений».

Что же касается лиц Генерального Штаба *Г. И. ТЕОДОРИ*, арестованного 24 Марта с / г. и *Н. Н. ДОМОЖИРОВА*, арестованного в ночь с 3 на 4 Июля, то прошу освободить их под мое поручительство для назначения моим распоряжением по их специальности.

Генерального Штаба [Вацетис]

ПРИМЕЧАНИЯ

- i. Доможиров Николай Николаевич (31.10.1886–1922) — военный специалист РККА. Участник Первой мировой войны. В 4-м мортирном артиллерийском дивизионе. Последнее звание в старой армии — капитан. Окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918). Причислен к Генеральному штабу 23.03.1918. Переведен в Генеральный штаб приказом по Всероссийскому Главному штабу № 18. 27.06.1918. В РККА добровольно с весны

1918 г. Участник Гражданской войны. Начальник отделения связи штаба Северного участка и Петроградского района завесы. Консультант оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам (1918). Начальник штаба Северного фронта (21.10.1918 (фактически — 30.10.1918) — 19.2.1919). Начальник штаба Западного фронта (19.2. — 26.5.1919). В распоряжении начальника Полевого штаба РВСР. Арестован без предъявления обвинения (2/3.7. — 7.11.1919). В распоряжении главкома. Заведующий Рязанскими пехотными курсами. Начальник 22-х пехотных Курских курсов (1921). Умер от тифа.

4.

Фрагмент телеграммы неизвестного арестованного генштабиста на имя начальника Полевого штаба РВСР, 3 июля 1919.

...неделю назад я был приглашен в ВЧК для снятия дознания в качестве свидетеля, после которого следователь объявил мне, что ввиду несходства моих показаний с имеющимся у него материалом, он должен меня задержать. Несмотря на мои письменные заявления, что правдивость моих показаний могут подтвердить лица, облеченные советской властью исключительным доверием, меня препроводили в тюрьму как преступника, где я нахожусь теперь. Убедительно [прошу] Вас принять меры к моему [освобождению]⁴.

РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 94.

5.

Шифротелеграмма начальника Полевого штаба РВСР М. Д. Бонч-Бруевича заместителю председателя Особого отдела ВЧК И. П. Павлуновскому по поводу арестов в Полевом штабе РВСР, 14 июля 1919.

МОСКВА Заместителю Председателя Особого Отдела ВЧК тов. ПАВЛУНОВСКОМУ «14» Июля 1919.

В ночь 9/10 Июля в Полевом Штабе арестованы: состоящий в распоряжении Главкома КОСТЯЕВ⁵, для поручений при Главкоме ИСАЕВⁱ, адъютанты Главкома ВАЦЕТИСⁱⁱ и ДЫЛАНⁱⁱⁱ, для особых поручений при мне МАЛЫШЕВ^{iv}, Начальник Разведывательного Отделения КУЗНЕЦОВ^v, Помощник Начальника Оперативного Отделения ТОКАРЕВСКИЙ^{vi}, Комендант Штаба РЕМЕР^{vii}, По-

4. Предположительно, речь идет о выпускнике ускоренных курсов академии Генштаба В. В. Сергееве, содержавшемся в Бутырской тюрьме. 6 июля 1919 г. М. Д. Бонч-Бруевич ходатайствовал о его освобождении — А. Г.

5. По другим данным, Ф. В. Костяев был арестован еще 15 июня 1919 г. — А. Г.

мощники его СТАДЛЕР^{viii} и КОТКОВИЧ^{ix}. Ввиду необходимости провести арестованных приказом по Полевому Штабу, прошу уведомить: 1) за кем числятся вышеназванные лица и 2) как следует считать их положение: находящимися ли под следствием и арест их как меру против уклонения от такового или же задержанными [в] административном порядке. НР 1111/Ш. Наштаревсовresp М. Бонч-Бруевич.⁶

РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 67. Л. 49.

ПРИМЕЧАНИЯ

- i. Исаев Евгений Иванович (1889 -?) — военный специалист РККА. Окончил Алексеевское военное училище (1908). Участник Первой мировой войны. В 8-й полевой тяжелой артиллерийской бригаде. Последнее звание в старой армии — капитан. Окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918). Причислен к Генеральному штабу 23.3.1918. Переведен в Генеральный штаб приказом по Всероссийскому Главному штабу № 18. 27.6.1918. В РККА добровольно с весны 1918 г. Участник Гражданской войны. В прикомандировании к отделению связи штаба Северного участка и Петроградского района завесы. В Онежской военной флотилии. Помощник начальника отдела штаба Северного фронта. В распоряжении Полевого штаба РВСР. Для поручений при главкоме И. И. Вацетисе. В распоряжении начальника Полевого штаба РВСР. Арестован по делу Полевого штаба РВСР (9.7. — 7.11.1919). В распоряжении начальника Всероссийского главного штаба. Состоял в военно-исторической комиссии. Штатный руководитель практических занятий академии Генштаба РККА (с 12.12.1919, на 8.1922). Помощник заведующего статистическим отделом треста «Пестроткань» (1926).
- ii. Вацетис Эрнест Иванович — адъютант Главнокомандующего И. И. Вацетиса (1919) и его племянник. Член РВС 15-й армии. Арестован (1919). Начальник бронечастей 2-й Конной армии (1921). Награжден орденом Красного Знамени (1921).
- iii. Дылан С. С. — адъютант главкома И. И. Вацетиса.
- iv. Малышев Александр Козьмич (27.10.1887–19.3.1939) — военный специалист РККА. Родился в селе Чашино Борисоглебского уезда Тамбовской губернии в крестьянской семье. Окончил 7 классов гимназии в Тамбове (1904). Поступил вольноопределяющимся в 1-й пехотный Невский полк (1906). Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище по 1 разряду (1910). Во 2-м Сибирском стрелковом полку. Участник Первой мировой войны. Командовал ротой и батальоном. Последнее звание в старой армии — капитан. Окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918). Причислен к Генеральному штабу 23.3.1918. Переведен в Генеральный штаб приказом по Всероссийско-

6. Еще 11 июля Бонч-Бруевич телеграфировал Л. Д. Троцкому о необходимости скорейшего рассмотрения дел Кузнецова и Токаревского и по возможности их срочного освобождения: РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 921. Л. 32–32 об.

му Главному штабу № 18. 27.6.1918. С 1.3.1918 из старой армии добровольно перешел в РККА. Участник Гражданской войны. Для особых поручений при штабе Порховского (Старорусского) района (с 1.3.1918). Помощник начальника штаба 2-й Петроградской дивизии по оперативной части (с 2.5.1918). Для поручений при 3-й инспекции формирований Северного участка (с 28.6.1918). Начальник штаба районных частей Петрограда (с 11.8.1918). Начальник разведывательного отдела штаба Северного фронта (с 28.9.1918). Для особых поручений при начальнике Полевого штаба РВСР (с 22.10.1918). Арестован по делу Полевого штаба РВСР (9.7. — 7.11.1919). В распоряжении начальника Полевого штаба РВСР (1919). Заведующий учебной частью Иваново-Вознесенских пехотных курсов (с 22.11.1919). Заведующий Иваново-Вознесенскими курсами комсостава (с 23.1.1920). Начальник Московской советской пехотной школы (с 20.8.1920). Командир 1-й Московской стрелковой бригады курсантов (с 28.1.1921). Заместитель начальника (с 10.6.1921), начальник управления (с 20.6.1921) военно-учебных заведений Приволжского военного округа. Командующий войсками, действующими против банд Серова (с 22.3.1922, с оставлением в прежней должности). Начальник штаба и помощник командующего Бухарской группы войск (с 7.7.1922, с оставлением в должности начальника управления Приволжского военного округа). Участник боев против Энвер-паши. Награжден бухарским военным орденом Красной Звезды 2-й ст. (1922), орденом Красного Знамени № 1669 (Приказ РВСР № 230. 1922). Окружной инспектор военно-учебных заведений Приволжского военного округа (с 15.03.1923). Помощник инспектора военно-учебных заведений Петроградского военного округа по учебно-строевой части (с 30.06.1923). Инспектор военно-учебных заведений Петроградского военного округа (с 15.10.1923). Военрук Ленинградского государственного университета (с 1.9.1926). Начальник объединенной Военной школы им. Ленина (с 1.7.1927). Окончил курсы усовершенствования высшего начсостава при Военной академии им. М. В. Фрунзе (1929). Зам. начальника штаба Среднеазиатского военного округа (с 12.1932). Окончил оперативный факультет Военной академии им. М. В. Фрунзе. Комбриг (20.11.1935). Начальник штаба Среднеазиатского военного округа (23.5.1937—31.3.1938). Награжден орденом Трудового Красного Знамени Узбекской ССР (1932), орденом Красного Знамени (1933), орденом Ленина (1937). Член ВКП (б) с 1928. Арестован 28.8.1938. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР 8.2.1939 к расстрелу по обвинению в причастности к контрреволюционному заговору. Расстрелян. Похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 19.3.1957. Женат, четверо детей.

v. Кузнецов Борис Иннокентьевич (12.5.1889—19.4.1957) — военный специалист РККА. На службе с 1907. Участник Первой мировой войны. В 7-й артиллерийской бригаде. Последнее звание в старой армии — капитан. Окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917—1918). Причислен к Генеральному штабу 23.3.1918. Переведен в Генеральный штаб приказом по Всероссийскому Главному штабу № 18. 27.6.1918. С весны 1918 добровольно вступил в РККА. Участник Гражданской войны. Помощник главного руководителя обороны Петрограда и подступов к нему. Консультант оперативного отдела штаба Московского военного округа. Консультант оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам (1918). Военный эксперт при делегации

Народного комиссариата по военным делам для переговоров с германской главной квартирой. Председатель комиссии по исследованию дорог Олонецко-Петрозаводского района. И. д. начальника оперативного штаба при председателе РВСР в поездках на Южный и Петроградский фронты. Консультант разведывательного отдела Народного комиссариата по военным делам (1918). Начальник разведывательного отделения Полевого штаба РВСР. Арестован по делу Полевого штаба РВСР (9.7. — 7.11.1919). В распоряжении Всероссийского Главного Штаба. В распоряжении начальника Полевого штаба РВСР (1919). Заведующий учебной частью Нижегородских пехотных курсов (1920). Заведующий учебной частью 3-х Казанских пехотных курсов (1920). Начальник штаба 1-й Восточной стрелковой бригады курсантов. И. д. начальника оперативного отдела штаба 11-й армии (1921). И. д. начальника штаба 11-й армии (7—29.5.1921). Второй заместитель народного комиссара по военным и морским делам Грузии. Первый заместитель народного комиссара по военным и морским делам Закавказской республики (с 20.4.1921). Начальник управления военно-учебных заведений отдельной Кавказской армии. И. д. 1-го помощника начальника штаба отдельной Кавказской армии (1923). Начальник штаба (8.1923—2.1927) и заместитель командующего (5.1925—2.1927) Краснознаменной Кавказской армии. В распоряжении Народного комиссара по военным и морским делам (2—6.1927). Военный атташе при полпредстве СССР в Турции (6.1927—10.1929). На преподавательской работе в Военной академии им. М. В. Фрунзе: начальник кафедры военной истории и мировой войны, начальник кафедры военной истории (с 10.1942), начальник кафедры истории военного искусства (с 2.1946). Комдив (5.12.1935). Генерал-майор (4.6.1940). В отставке с 5.1947. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной звезды и медалями. Умер в СССР.

vi. Токаревский Вячеслав Константинович (23.6.1882—1927) — военный специалист РККА. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1902), Императорскую Николаевскую военную академию по 1 разряду (1911). На службе с 31.8.1900. В 26-й артиллерийской бригаде. Награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. (1907). Командир роты 170-го пехотного Молодечненского полка (6.10.1911—9.10.1913). Обер-офицер для поручений при штабе III Сибирского армейского корпуса (с 26.11.1913). Участник Первой мировой войны. Старший адъютант штаба 1-й кавалерийской дивизии. И. д. штаб-офицера для поручений при штабе II армейского корпуса (с 1.11.1915). Награжден Георгиевским оружием (11.9.1916). Старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии. И. д. генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии. Дело-производитель ГУГШ (с 12.12.1917; на 3.1918—4-й делопроизводитель, курировал Восточный фронт). Последнее звание в старой армии — полковник (с 15.8.1917). В РККА добровольно с весны 1918 г. Участник Гражданской войны. Начальник отделения оперативного управления Всероссийского Главного Штаба. Помощник начальника оперативного отделения Полевого штаба РВСР. Арестован по делу Полевого штаба РВСР (9.7.1919). В распоряжении штаба Туркестанского фронта. Помощник начальника оперативного управления штаба Туркестанского фронта. И. д. начальника оперативного управления штаба Туркестанского фронта. И. д. начальника штаба Заволжского военного округа (с 18.5.1920). В распоряжении РВС Южного фронта (с 27.11.1920). Штатный преподаватель

Военной академии. Начальник штаба Народно-революционной армии Дальневосточной республики. В распоряжении Штаба. Групповой лектор и руководитель практических занятий по тактике, администрации и топографии Военной академии РККА (с 3.6.1922), старший руководитель по тактике (1923). Автор книги «Тактика артиллерии» (М., 1931). Умер в Москве.

- vii. Ремер А. В. — комендант Полевого штаба РВСР (1919). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Дважды ранен и контужен. Участник боев под Казанью (1918). Арестован 9.7.1919, освобожден не позднее 9.1919.
- viii. Стадлер А. А. — помощник коменданта Полевого штаба РВСР (1919).
- ix. Коткович Ф. М. — помощник коменданта Полевого штаба РВСР (1919).

6.

Письмо арестованного бывшего коменданта Полевого штаба РВСР А. Ремера М. Д. Бонч-Бруевичу, 1 августа 1919.

Многоуважаемый Михаил Дмитриевич!

Будучи арестован 9 числа (июля — А. Г.) в связи вообще с арестами в Полевом Штабе, я вот уже почти месяц сижу в одиночном заключении, не зная в чем я обвиняюсь и что общего (?), слово неразборчиво — А. Г.) имеет мой арест с арестом других лиц. Из арестованных я знаю хорошо только Вацетиса, как бывшего командира полка и то последнее время видел его не более двух раз. Других же арестованных, например, генерального штаба Токаревского, Кузнецова, я знаю только как служащих Штаба и ни разу с ними не разговаривал. С Генерального Штаба Исаевым говорил за все время один раз и тоже не знаю, что он за человек.

С остальными арестованными почти в таких же отношениях. В том, что мой арест имеет общее с другими арестованными, я заключил в силу произведенного опроса. В чем же обвиняют меня, я не знаю. Я знаю хорошо, что я ни в чем не виноват и все время честно исполнял свои обязанности, что могут подтвердить все мои сотрудники. Крайне обидно сидеть целый месяц в тюрьме, не зная за собой вины. Начиная с 1917 года я совершенно не отдыхал; был в минувшую войну два раза ранен и один раз контужен. После октябрьской революции неоднократно выезжал на ликвидацию восстаний. Командовал правой группой при обороне Казани,⁷ где был отмечен в списке наиболее отличившихся. Теперь я окончательно издергался, сидя в тюрьме. В мае с. г. я свидетельствовался комиссией врачей и признан был совершенно больным и уволен в отпуск на два месяца, но задержанный делами службы...⁸ (...управления

7. Активное участие в обороне Казани в августе 1918 г. принимали верные И. И. Вацетису латышские стрелки — А. Г.

8. Здесь и далее значительная часть письма не читается из-за пятен грязи — А. Г.

контролем), а также поджидая... [удовлетворения в] содержании, я был в конце концов арестован 9 числа...

...нет времени заниматься моим вопросом..., я буквально дошел до отчаяния и прямо не знаю, что мне делать. Я сижу не [зная вины?] ..., и это меня убивает. Михаил Дмитриевич, простите за то, что Вас беспокою, но войдите в мое положение и помогите мне скорее доказать свою невиновность. Я прошу Вас обратиться с просьбой о скорейшем разборе дела. Простите, что Вас беспокою.

Искренно Уважающий Вас
Комендант Полевого Штаба А. Ремер⁹
1/VIII 1919 г.
Бутырская Тюрьма.
Одиночный Мужской Корпус
Камера 70

РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 12—120б. Подлинник. Рукопись.

7.

Письмо арестованного бывшего помощника начальника оперативного отделения Полевого штаба РВСР В. К. Токаревского М. Д. Бонч-Бруевичу, 3 августа 1919.

Многоуважаемый Михаил Дмитриевич.

Тяжело оскорбленный в своих чувствах гражданина, обращаюсь к Вам с просьбой повлиять на скорейшее выяснение моего положения, в которое я попал не знаю почему и благодаря кому. Целый месяц как я сижу в строгом заключении в Бутырской тюрьме и только спустя 3 недели после ареста меня допросили, не предъявляя мне никакого обвинения и только расспрашивали о лицах, которых я издали видел не более двух раз в жизни, или с которыми я изредка встречался в служебные часы на занятиях, или о которых я никогда в жизни не слышал. Я заявляю, что никакой вины за собой я не знаю и не чувствую, насколько я мог заключить, единственная моя вина состоит в том, что я имею несчастье принадлежать к Генеральному штабу.

Семья моя теперь лишена моей поддержки, мать моя тяжело больна, вероятно, последней болезнью, я сижу в строгом заключении, где моральные и физические силы мои от незаслуженного, сурового наказания [ан] ия быстро уменьшаются — и все это неизвестно за что. Если я в чем виноват, пусть мне прямо скажут, я сумею

9. А. В. Ремер был освобожден не позднее сентября 1919 г.: РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 70. Л. 54с.

оправдаться, если же я виноват только в том, что, к моему несчастью, я — генерального штаба, то еще раз прошу Вас как бывшего моего профессора по академии и начальника войти в мое положение и повлиять на освобождение меня из тюрьмы, в которой я незаслуженно страдаю.

Уважающий Вас и преданный Вам В. Токаревский
3 августа 1919 г.

РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 13. Подлинник. Рукопись.

~